

Министерство культуры и молодёжной политики
Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Олег Портнягин

Мне жизнь такой привиделась

Стихи

Русское эхо
2008

ББК 84 (2 Роч=Рус) 6
П 60

Портнягин О.А.

П 60 Мне жизнь такой привиделась: Стихи. — Русское эхо: Самара, 2008. — 240 с.

ISBN 978-5-9938-0005-9

«Мне жизнь такой привиделась» — четвёртая книга поэта из Сызрани, лауреата Всероссийской литературной премии имени Ивана Дмитриева, члена Союза писателей России Олега Портнягина. Предыдущие три — «День рождения», «От любви и печали», «Излучина» — выходили в разные годы в Самаре (Куйбышеве). Кроме того, творчество поэта представляли читателям журнала «Наша современник», «Кириллица» (Нижний Новгород), «Волга—XX век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара) и другие литературно-художественные издания страны.

Четвёртую книгу Олега Портнягина составили новые, а также ранее публиковавшиеся стихотворения.

ISBN 978-5-9938-0005-9

© Портнягин О.А., 2008.

От Балтики и до Японии раскинувшаяся страна

Что, собственно говоря, значит жизнь человеческая: трагедия или трагикомедия, а может, она нелепейший фарс — размеренно прожитых ощущений, не давших ни любви, ни счастья, ни доброты? Вот, мол, жил человек и нет его, и что такого особенного произошло? Ведь каждый из нас по сути своей безымянен, хотя и «ФИО» носит, и место рождения определено, и не бездомник, и родственников имеет. Разве не известен в масштабе истории итог человеческого бытия — забвение? Сколько имён забыто и вычеркнуто из памяти человеческих судеб — единицы остались...

Стоит ли останавливать внимание на отдельно взятой личности, когда целые эпохи, пространства, народы безвозвратно канули в Лету? Осталась ли от них горстка пепла на ристалище Земли? Каким образом обусловить для памяти истории своё пребывание на этой погрязшей в войнах, убийствах и разврате брэнной планете, если грозят ей Апокалипсисом философы — как и религиозные фанатики, так и «заученные напрочь» учёные? Обуславливать своё существование на Земле архитектурными сооружениями, дорогами, закатанными в асфальт, или же компьютерными, виртуальными изощренностями, даже космическими трассами и прочей тщетой — слабое утешение для свободолюбивого человеческого Духа, который никак не может смириться с регрессом губящего его Времени. Всё остальное не есть дело рук человеческих: подарено нам Свыше.

Итак, достаточно ли человеку местечка под Луной, на котором он родился и живёт, достаточно ли профессионального навыка выживания, житейского благополучия? Ан, нет!

Не совсем так, вернее — совершенно не так.

Вот, зазвучала в его душе изначальная, незатейливая мелодия и... выросла до сонат Бетховена, фуг Баха, опер Верди и Чайковского. Вот, появился несмелый карандашный набросок на тетрадном листочке и... предстали нашему взору великие полотна Рафаэля, Брюллова и Репина. Написалось несколько страничек сокровенного дневника и... вот выткались они в волшебные стро-

ки Шекспира и Пушкина, Байрона и Лермонтова, Блока и Есенина, Кольцова и Рубцова, легли на книжную полку фолиантами многотомников Тургенева и Толстого, Шолохова и Хемингуэя, Белова и Распутина.

Не перечислить всего того, что разом навалилось причастием к Духу человеческой жизни. И отодвинулись в сторону мелочные заботы о себе, но зато Душа приобрела ощущение своего Бессмертия.

Значит, суть человеческой жизни в том, что наступает величайшее мгновение, и каждый из нас за гранью привычного бытия высвечивается музыкой, созиданием, творчеством. И, если уж очень повезёт, ты сам становишься творцом: нужно только внимательнее, позаботливее отнестись к своей незаурядной особи, единожды рожденной на земле — в Англии, Франции, Германии, Америке... России — в её глубинке, к примеру, в Сызрани, неподалёку от Самары и совсем близко от Москвы.

Разумеется, дальше речь пойдёт только о России, конкретно — о Поволжье, о родной моей сторонushке, столь богатой поэтическими дарованиями.

*Свет мой, свет...
Индевеющий пыл —
По упругим рябиновым веткам.
Поле пашнюю, словно вельветом,
Тракторист от морозов прикрыл.
Отдыхает до срока земля,
Что вскормила и рожь, и рябину.
У неё — все равны и любимы.
Не забыла она и меня.
Не забыла в сумятице дней
Дать мне жизнь, одарить вот такого
Счастьем вымолвить тихое слово
Обо всём, что безмолвно на ней...*

Перед вами стихотворение сызранского поэта Олега Портнягина, как нельзя точно и ёмко обозначившее предназначение жизни отдельно взятой личности.

Собственно говоря, все мои доселе приведённые размышления о сокровенной причастности человека к вечным понятиям красоты, любви и доброты совершены мною для того, чтобы поговорить с вами об этом замечательном писателе нашего Волжского края.

Первая встреча с Олегом Портнягиным у меня произошла на рубеже 70-х годов прошлого столетия в студии Самарского телевидения, где нам выпала честь совместно выступить перед областным зрителем с читкой своих стихов. Процесс был соревновательный: по крайней мере, для нас — начинающих поэтов. Вспомнить, какие стихи были прочтены мною, не берусь, но строчки моего оппонента врезались в память, тревожно уколов мыслью: «Достойный соперник!».

*Возьмите у птиц голоса,
Попробуйте — песню.*

Возникла поганенькая трусость, что я случайно попал на этот «праздник поэзии».

«Ничего, — подумалось, — как-нибудь отрапортую, и с глаз долой...»

Ни песни у вас, ни зари...

«Ну, прямо-таки в мой адрес...» Потом я ещё долго сокрушался по поводу себя. Сокрушался и впитывал в память стихи сызранца: доступные и возвышенно-космические, по-житейски близкие — вот тут, под ладонью, лежащие на сердце. В одно мгновение в моём сознании промелькнули Пушкин и Лермонтов, Есенин и Рубцов... Но с ними-то что мне спорить? Ушедшие классики. А тут — живой: с татарской бородкой без усов, со смолянными раскосыми очами — прямо в душу, с грустной ухмылкой и совершенно молчаливый в общении... Только стихи — в абсолюте, и крепкое рукопожатие при расставании.

С этой незадачливой встречи я стал внимательно и заинтересованно наблюдать поэта Олега Портнягина: его стихи, где бы они ни издавались, всегда ненавязчиво, по-доброму, размещались на моей книжной полке. Так я открыл для себя незаурядного живописца в российской поэзии.

*Выйдем на внешнее поле
В борозды бросим зерно.
Пусть прорастет нашей болью,
А не заёмной оно.
Судорожно, кровоточа,
С криком и плачем — как есть.
Вот уж тогда-то мы точно
Вспомним про совесть и честь.*

Пронзительность строки в защиту Хлеба малого и большого Отечества делают стихи Олега Портнягина незабываемыми.

К слову сказать, полвека, а может быть, и более на поэтическом пространстве России созидает свои незаурядные дарования самарская земля, положив начало альферовской «ивушкой зелёною». Под грифом «сработано в Самаре» на общероссийской ниве поэзии разместились закононосящие поля Бориса Сиротина, Ивана Никульшина, Василия Семёнова, Евгения Чепурных, Евгения Семичева, Дианы Кан.

В этом ряду перечисленных знаковых имен есть, без всякого сомнения, место и для сызранского Поэта Олега Портнягина.

*Боже мой, как там птицы кричали!
И летели потерянно прочь...
Это я от любви и печали
Плакал их голосами всю ночь.
Это я так раскидывал руки,
Что казалось: вот-вот воспарю
Над пустынным простором Ветлуги,
Чтобы встретить пораньше зарю.
И, вернувшись, увидели птицы
Из предутреннего тальника,
Как я в птицу хотел превратиться
И не мог превратиться никак.
Было это природы проклятьем
Иль её проявленьем любви?
Но не смог я в ту ночь стать крылатым.
Что ж, опять поживу меж людьми.*

*Но однажды крылами взмахну я.
Ты, природа, тогда не перечь.
Даже если потом не миную
Дробь охотничью
Или — картечь.*

В связи с этим мне хочется расширить анализ творчества поэта Олега Портнягина, ввести его имя в штат имён, от которых идёт вся современная поэзия России.

В 60-80-е годы XX века в советскую литературу вошли поэты, которые принесли с собой немало нового и развили старые традиции. Многообразна тематика их творчества, а поэзия глубоко лирична, интимна.

Но и тема Родины никогда не сходила со страниц нашей литературы. Её образы, связанные то с природой родной деревни, то с местами, где воевал человек, можно найти чуть ли не в каждом произведении. И у каждого автора своё восприятие и ощущение Родины.

Проникновенные строки о России находим мы у Николая Рубцова, который ощущает себя словно наследником многовековой русской истории. Критики считают, что творчество этого поэта соединило в себе традиции русской поэзии XIX-XX веков — Тютчева, Фета, Блока, Есенина.

В стихотворении «Видения на холме» Рубцов пишет:

*Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!...*

Николай Рубцов — основоположник современной лирики от классической традиции, но я хочу предложить стихотворение

Портнягина, представляющее его в качестве одарённого последователя в представлении образа Родины в поэтическом творчестве.

*Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.
Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,
Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.
А понимать и помнить надо бы
Всё, что пришлось перенести,
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути...*

То же чувство, то же откровение, та же любовь, но более активная позиция защитника Родины, продиктованная Временем и, не без основания, подмеченная современным патриотом.

Другая не менее значимая тема современной поэзии — тема Великой Отечественной войны, беды, казалось бы, давно минувшей и сейчас, может быть, уже по-иному осмысленная, находит отражение в стихах поэтов. Многие из них сами пережили войну (К. Симонов, А. Межиров, К. Ваншенкин, М. Львов, В. Соколов). «В их строчках победная медь сплавилась с серебром тончайших состояний духа. Их лирика нежна и жестковата, как колющее шинельное сукно», — образно подметил один из критиков. Всё чаще в описании войны они отходят от «романтики боя и риска», рисуя картины бесчеловечности войн. Вот стихотворение одного из замечательных поэтов Алексея Прасолова «Тревога военного лета...»:

*...Спешат санитары с разгрузкой,
По белому красным — кресты.
Носилки пугающе узки,
А простыни смертно чисты...*

*...Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Душой присмирелой твоей.*

И как бы в продолжение этого стихотворения я читаю у Олега Портнягина:

*Что, старик, недоволен доставшейся долей?
Или просто болезненный вид?
— Да замучили, знаешь, фантомные боли —
Нет ноги, а болит и болит.
Слава Богу, хорошие были хирурги —
Нас не всех схоронила война.
Потеряли тогда мы кто ноги, кто руки,
Но остались народ и страна.
— Что, народ, недоволен доставшейся долей?
Или просто болезненный вид?
— Да замучили, знаешь, фантомные боли:
Нет страны — а болит и болит...*

Тут не только беда, обезножившая человека, здесь наша плачевная история — распад великого Советского Союза — отечества ветеранов войны. И я полностью согласен с мнением поэта: что поделаешь, дано лишь «отпеть, как на похоронах», великую державу.

Одна из главных идей современной поэзии — гражданственность, главные раздумья — о совести и долге. К поэтам-общественникам, патриотам, гражданам принадлежит Евгений Евтушенко. Его творчество — размышления о своём поколении, о доброте и злобе, о приспособленчестве, трусости, карьеризме и подлости.

*Мы знали голода и холода,
Нас корчил тиф, душила нас разруха.
Но верю — ставить вещь превыше духа
Нам не позволит совесть никогда...*

...Вещи текучи, как будто вода.

Вещи — зловещи.

Мужество, совесть, честь — это да! — Вещи!

Но как-то «не бьют» эти строчки: констатация факта, поза ради позы, философствование на пустом месте... Прочитал ради имени, которое на слуху, и забыл. Но разве забудется портнягинское:

*Сколько ты, Россия, настрадалась,
Сколько предстоит ещё страдать —
Никакой на свете Нострадамус
Этого не может предсказать.
И лукавым нынешним пророкам
Беды предвещать не надоест:
Чуть не каждый как бы ненароком
Метит на тебе поставить крест.
Если бы пророчества сбывались,
То уже, наверное, не раз
Мы бы все без Родины остались,
А она, болезная — без нас.
Кончились назначенные сроки,
Но не меркнет над Россией свет.
Зря ей, что ли, грозные пророки
Предвещали всё-таки расцвет?!*

Наступил XXI век и опять Россия на перепутье. И, как повелось на нашей Земле, обостряется чувство её великого гражданина в форме откровенного протеста — немного грустных раздумий о ней, лишенных иллюзий её художественного образа, устоявшегося прежде. Яркий поэт современности Владимир Костров сетует в первопрестольной:

*Овеянный имперской славой
На полотняных плоскостях,
Куда летит орёл двуглавый
С рубиновой звездой в когтях?
Зачем на площади великой*

*Румяные, как кирпичи,
Вновь александровской музыкой
Тревожат небо трубачи,
Полков парадная подкова
По бёдрам тянет рукава,
И хор выводит Михалкова
Полузнакомые слова?
Но сердце ввысь уже не рвётся,
Глаза слезами не полны,
Когда же гордость к нам вернётся,
России верные сыны?*

К кому обращены эти вопросы? Для чего они задаются? Наверное, чтобы на него ответило Время. Или, по крайней мере, поэт из Сызрани Олег Портнягин после просмотра документального фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли».

*На документальном материале —
Сурово, без всяких прикрас —
«Россией, которую мы потеряли»
Нам всё рассказали про нас.
Мы это и сами, конечно же, знали
Повсюду — от сёл до столиц.
И всё ж хорошо, что темно было в зале —
Не видно краснеющих лиц.
Но нет и не может быть материала,
Чтоб высказать миру всю боль
России, которая нас потеряла,
Хоть числит пока за собой.
Мы долго и трудно блуждали в потёмках,
Рискуя бездомными стать.
И только наивная мысль о потомках
Вела нас друг друга искать.
И телом, и духом — уже не в трясине,
Дойдём и до твёрдой земли,*

*Где снимем когда-нибудь ленту
«Россия,
Которую мы обрели».*

Поэзию последних десятилетий отличает огромное разнообразие тем, ей присущ очень большой охват явлений, диапазон её проблем исключительно широк. Это особенно наглядно видно на примере творчества Владимира Высоцкого. «Поющий нерв эпохи», он писал обо всём, он был как бы лакмусовой бумажкой нашего общества. Казалось, ничто плохое не может ускользнуть от его пера, казалось, что он поставил себе цель — «до последней черты, до креста, спорить до хрипоты, а за ней — немота, убеждать и доказывать с пеной у рта, что не то это вовсе; не тот и не та...».

И он спорил, боролся за справедливость, ненавидел мещанство, беспощадно бичевал недостатки. «Он импровизировал, увлекался, преувеличивал, был дерзок и насмешлив, дразнил и разоблачал, одобрял и поддерживал», — говорил Р. Рождественский.

Сегодня бесчисленные проблемы, вставшие на пути общества, находят всё более полное отражение и в поэзии. Всё чаще звучат со страниц журналов стихи о жертвах репрессий, о возвращении народу исторических ценностей.

*Историю нисколько не щадя,
И к прадедам без должного вниманья
Мы улицам и древним площадям
Легко вручаем новые названия.
... Когда мы переступим эту спесь?
Когда оценим славное наследье,
Подумаем сначала: кто мы есть
И чьи мы есть на этом белом свете?
...Представим же, как после, в свой черёд,
Мир потрясся глобальными делами,
Потомок наш в пыли перечеркнёт
Рождённое и названное нами.*

(Игорь Ляпин)

Всё больше задумывается наше общество над нравственными вопросами: почему не хватает милосердия и так много жестокости? Как восполнить недостаток чуткости, ослабить равнодушие?

И не случайно после такого размышления возникают немногие ироничные строчки сызранского поэта, немного нафантазированные, но всё же близкие по сути ляпинскому грустному выводу: «Потомок наш в пылу перечеркнёт рождённое и названное нами...»

*Москвичи очнулись на рассвете,
Глянули в окошки — ё-моё!
Минина-то нет на постаменте,
Да и нет Пожарского на нём.
Как в мешке пустом не спрятать шила,
Так не скрыть пропавшее. Увы!
Тут не память — памятник отшибло
У столицы Родины — Москвы.
Спорили в Кремле и на Арбате:
То ли поразил небесный гром,
То ли сгоряча ночные тати
Сдали монумент в металлолом...*

Современная поэзия богата философскими размышлениями о настоящем и будущем, о судьбах планеты и нашей страны:

*Летят «афганцы» в гробах,
Крадётся СПИД в городах —
Неужто страшная месть?
Тысячелетье Руси —
Тысячелетье души.
Пришло ей время воскресть.*
(Андрей Вознесенский)

*Он зная полковое целовал,
Но никогда не целовал девчонку.
Ещё о жизни
Ничего не зная,*

*Не знать хотел
И что такое
Смерть.
...И целился душман неторопливо.
И меткая стремительная пуля,
Ребро сломав,
Свой бег остановила,
Чтоб сердце заодно остановить.
Он — никогда...*

(Олег Портнягин)

Лирика — душа поэзии, веер образов, вихрь идей. Это всегда мечты и, конечно, любовь — самая древняя тема поэтов.

*Все влюбленные склонны к побегу
По ковровой дорожке, по снегу,
По камням, по волнам, по шоссе,
На такси, на одном колесе,
Босиком, в кандалах, в башмаках,
С красной розой в слабых руках.*

(Булат Окуджава)

И, суровый, несентиментальный, Портнягин тоже не обошел эту тему в своём творчестве:

*Как ты легко одета — только в ночную тьму.
В тёплое это лето больше и ни к чему.
Тихо руки касаясь, шепчешь ты мне:
— Молчи.*

*Светят луне на зависть луны твои в ночи.
Нет без тебя, похоже, жизни, и потому
Переоденусь тоже в эту ночную тьму.
Ни свитера, ни платья нам не нужны сейчас,
Вот бы всю жизнь объятья так согревали нас.*

О чем ещё сказать? О смехе и сатире, коими разят недостатки? Об обращении к историческому полотну русского народа? «О молитвах» и призывах к миру? Боюсь, что одно перечисление тем займёт много места. А сочинение превратится в «антологию» современной поэзии.

Мне кажется, что наша поэзия, как и всё общество, возрождается к поиску нового, светлого, вечного, что составляет основу человеческого духа!

И всё же хочется отстраниться от глобальных тем современной поэзии, которые в силу своей значимости не обошли Олега Портнягина, взглянуть на него с дорогого для меня близкого расстояния — изнутри, сопричастно милой для всякого «глубинки», где мы проживаем свою житейскую повседневность.

*Рвани стоп-кран!
Колёса с визгом
Рассыпят искры между шпал.
А то — гляди! — проедешь Сызрань,
Вокзал который ты проспал.
Рвани, пока в окне вагонном
Не промелькнула Сызрань-два.
Пока состав, не взяв разгона,
Стучит колёсами едва.
Начальник поезда капризно
Начнёт ворчать: мол, стыд и срам,
Но он не знает город Сызрань,
А то бы сам рванул стоп-кран.
Все города ему и веи —
Лишь остановки на пути.
Тебе же не сойти здесь если —
С ума сойти!*

Читаешь такие незамысловатые великие стихи и весь, целиком, ты уже в волжском городе, где «Сызрань с Крымзою слились, а потом — путь им недолгий: вешней водою пройти под мостом к матушке-Волге». Так что обязательно «рвани стоп-кран», иначе вряд ли когда узнаешь, как «остаются в душе навсегда строки простые: это — не просто живая вода, это — Россия». А главное — в Сызрани:

*То песню русскую услышишь,
А то частушку под гармонь.*

Становится абсолютно ясно, что старинная провинциальная Сызрань — родной город для Портнягина, поэта-гражданина с преданным и чутким сердцем. И, вероятней всего, только в ней можно подсмотреть, а затем погоревать вместе с нею в какой-нибудь городской «общаге»:

*Эта Верка — такая оторва!
Надька — стерва, аж бросил жених.
Да и Любка не очень-то здорово
Отличается нравом от них.
Шебутные общажные девки,
Им способностей не занимать
От обиды заплакать по-детски
Или вспомнить в сердцах вашу мать.
Деревенские иль городские —
В окруженьи воров и ханыг —
Больше вас по общагам России,
Чем людей в государствах иных.
Что вам те государства, однако!
Тут своё бы понять до конца:
У него ведь что Любка, что Надька —
Не ни имени им, ни лица.
И живут они в сплетнях да слухах:
Мол, без удержу хлещут вино,
Обольщают юнцов лопухих.
Правда, нет ли — без разницы, но:
Сколько ты ни гляди им под юбки,
Сколько спьяну о них ни злословь —
Нет ни Верки, ни Надьки, ни Любки!
Есть лишь Вера, Надежда, Любовь!*

Но разве это лишь Сызрань, а почему бы не Самара, Саратов или белокаменная стольница Москва? Пространство беды необозримо: протекает ли оно в деревне, или в городе — в огромном, говоря современным языком, «мегаполисе» — неизбежность её безгранична, потому что все мы беззащитны.

*Попутру у мусорного бака,
Что заполнен был по самый верх,
Встретились бездомная собака
И — бездомный тоже — человек.
У обоих в животах урчало,
А в бачке — съедобные куски.
И тогда собака зарычала,
Обнажая страшные клыки.
Царь природы доказал, однако,
Что ещё не вовсе одичал:
Встал на четвереньки возле бака
И страшной собаки зарычал.
Он готов был ей вцепиться в горло
И она попятилась бочком.
Человек встал на ноги и гордо
Свесился над мусорным бачком.
Стой в сторонке, псина, да не вякай
И клыки оскаливать не смей.
Где тебе соперничать с дворнягой,
Вышедшей в собаки из людей.*

Сразу припомнилось вечное, некрасовское: «Вчерашний день, часу в шестом, зашёл я на Сенную, там били женщину кнутом, крестьянку молодую. Ни звука из её груди, лишь бич свистал, играя... И Музе я сказал: — Гляди! Сестра твоя родная!».

Грустно осознавать, что времена для России в плане судьбы маленького человека мало, чем изменились. Неужели вновь вслед за Некрасовым и Добролюбовым призывать мужика со страниц теперешнего «Современника» к топору? Может, всё-таки «обождётся»: останутся лишь стихи, горючие и надрывные, в нашей российской «классике» и не более...

*Бог даст, не будет драки.
А будет — так опять
Не надо, как собаки,
Друг другу глотки рвать.*

С младенчества не падки
На нежные слова,
Получим по сопатке
И раз, и даже два.
Дадим задирам сдачи,
Но большего — не сметь!
Никак нельзя иначе,
Иначе, братицы — смерть.
Беречь давайте силу.
Не то в недобрый час
Подраться за Россию
Уже не хватит нас.

Теперь, дорогие мои, давайте немного переведем дыхание: успокоимся и вчитаемся в иного Портнягина — созерцателя, философа и доброхота, великолепного пейзажиста: ибо поэтическое воспроизведение окружающей нас жизни невозможно без тургеневского наблюдения «утра туманного, утра седого...»

Звезда ль за собою поманит,
Земной ли пригрезится рай —
И то, и другое обманет,
Хоть сколько ты их выбирай.
Простым светлячком на поляне,
Упав, обернется звезда.
И рая земного, земляне,
Не встретите вы никогда.
Лишь там, где травинки погуще
От свежести близкой реки,
Найдут свои райские кущи
В ночной темноте светлячки.

Или же в другом стихотворении:

Отяжелевшими тряпками туч
С вечера небо отмою,
Чтоб на заре каждый солнечный луч
Не разминулся со мною.

*Если лучи прикоснутся ко мне,
То и других не обидят:
Все после тьмы в наступающем дне
Новое солнце увидят...*

Я полагаю, здесь уместно будет сослаться на критический отчёт Союза писателей России, опубликованный им в газете «Российский писатель» (Алексей Шорохов, номер 9-10, 2004 г.) «О перспективах развития литературного процесса в новом тысячелетии»:

«Путь у России и её литературы в XXI веке один — к мечу и свету: в эстетическом измерении — это высокий реализм, в антологическом — самодержавие духа и воцарение жизни, в политическом — время консервативных ястребов с последующим восстановлением Третьего Рима как Православного царства.

Соответственно, русская поэзия в 21 веке, скорее всего, пойдёт по тому пути, что сегодня ей прокладывают А. Кувакин, А. Ребров, О. Портнягин и другие «поэты, поющие Небо».

...И я ставлю многоточие, завершая моё литературоведческое повествование о творчестве большого русского поэта Олега Портнягина, стихи которого широко распространились, говоря его словами, «по городам и весям» Отечества. Он не одинок в своих думах о нём, и — главное — услышан и одобрен взыскательным русским человеком, для которого Душа и есть основополагающая всей жизни на Земле. Для России Олег Портнягин — поэт родной и близкий, заслуживающий всяческого одобрения, наряду с любезными её сердцу Алексеем Кольцовым, Николаем Некрасовым, Сергеем Есениным и Николаем Рубцовым.

Константин Рассадин,
член Союза писателей России

Душа

Русь иная... И люди иные...
А душа за Россию болит.
— Видно, все вы — душевнобольные —
Иноземный народ говорит.

Загляни в медицинские карты:
Там про этот недуг — ни строкой.
И беспомощны все психиатры
Перед странной болезнью такой.

Не охватят великие числа
Всех, кто хворью такой заражён.
Если кто от неё излечился,
Тот живет уже за рубежом.

Ну, а нам — и в глуши, и в столице —
Вечно воздухом нашим дышать.
И не хочется нам исцелиться —
Пусть болит и страдает душа!

* * *

Кто вы, зачем и откуда
В нашем угрюмом краю,
Где и взошедшее скудно
Густо гниёт на корню?
Что за искрение рысье
В ваших кромешных очах?
Что за свирепые мысли
В ваших нездешних речах?
Тщетно твердите вы людям
Что-то про совесть и честь.
Мы очень скоро забудем,
Что проходили вы здесь.
Выйдем на внешнее поле,
В борозды бросим зерно.
Пусть прорастёт нашей болью,
А не заёмной, оно.
Судорожно, кровотока,
С криком и плачем — как есть.
Вот уж тогда-то мы точно
Вспомним про совесть и честь.

Страна

Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.
Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,
Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.
А понимать и помнить надо бы
Всё, что пришлось перенести.
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути.
Они, проныры закордонные,
И свой, отечественный тать,
Марш похоронный нашей Родине
Готовы запросто сыграть.
Но мы живём назло всем выжигам.
Свой, хоть и горький, хлеб жуём.
И — дайте срок! — не просто выживем,
Не хуже прочих заживём.
Чтоб и они однажды поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

У-ух!

У-ух, какими смелыми мы стали!
А ещё вчера — ни в зуб ногой.
Даже «дорогой товарищ Сталин»
Нам теперь — совсем не дорогой.
С пьедестала сбросили Иосифа,
Хоть и крепко, что Казбек, стоял.
А другим, казалось бы, и вовсе
Заказали путь на пьедестал.
Но ведь подставляли спины снова,
Млея, раболепствуя, мельча,
То под «кукурузного» Хрущёва,
То под Леонида Ильича.
Вот и докатились, что в державе
Алчные, тупые брали верх,
Что они за дураков держали
Четверть миллиарда человек.
...У-ух, как на гробах плясать умеем,
Зная, что покойникам — не встать.
Если заодно и поумнеем,
Может быть, и стоило плясать.

Кровь

То тевтонцы, то орды Батые,
То француз, то германец опять
Не умом — так мечами Россию,
Окровавив, пытались понять.
И уже по державной привычке,
Наш народ не держа за людей,
Кровь пускал ей то грозный опричник,
То с грузинским акцентом злодей.
Не успело зажить, как зловеще
Вновь сверкнули над Русью мечи
— Кровь её опьяняюще хлещет
Через рваную рану Чечни.
Всё суровой Россия, суровой,
Потерявшая прежнюю стать.
Редкой группы, сограждане, кровь её,
Может статься, нигде не сыскать.

Ещё вчера...

Возьмёшь газету — сердце дрогнет:
Ещё вчера был жив-здоров.
Всё чаще, чаще некрологи,
Всё меньше их — фронтовиков.
Ещё на прошлый День Победы
Он шёл в торжественном строю
И вел неспешные беседы,
И чарку поднимал свою.
Серчал: «Обидно за державу!»
И пел про город Будапешт,
И по щеке его бежала
Слеза несбывшихся надежд.
И то сказать, такой ли жизни
Желал солдат для отчих мест,
Когда в Берлине на фашизме
Он в сорок пятом ставил крест?
Им, победителям германца,
Не виделось и в страшном сне,
Что внуки будут побираться
У побеждённых в той войне.
...Опять гремят немецкой тарой
Несут подачки старикам.
И помощи гуманитарной
Страшнее разве что «Main Kampf».
Мы перестали быть врагами.
И «пайка» в немощной горсти
Солдату очень помогает...
Ещё скорее в гроб сойти.

Дядя Ваня

Дядя Ваня схоронил жену.
Он почти не плакал, был серьёзным.
Для него, прошедшего войну,
Сдерживать вполне привычно слёзы.

Дядя Ваня дочь похоронил.
И опять же дед почти не плакал.
То ли он слезинки обронил,
То ли это дождь на щёки капал?

Может, он и плакал втихаря —
Главное, у деда получилось
Внука доучил до «технаря»
Да и внучка в школе доучилась.

Жизнь свою не знаем наперёд,
Час последний никому неведом.
Дядя Ваня в свой черед умрёт —
Будет ли кому всплакнуть над дедом?

Фантомные боли

*Фантомная боль —
ощущение боли в несуществующей
после ампутации конечности*

— Что, старик,
недоволен доставшейся долей?
Или просто болезненный вид?
— Да замучили, знаешь, фантомные боли —
Нет ноги, а болит и болит.
Слава Богу, хорошие были хирурги —
Нас не всех схоронила война.
Потеряли тогда мы кто ноги, кто руки,
Но остались народ и страна.

— Что, народ,
недоволен доставшейся долей?
Или просто болезненный вид?
— Да замучили, знаешь,
фантомные боли:
Нет страны — а болит и болит...

* * *

Ю.Н.

Ты поэт хороший, мой товарищ,
Но — наивный, как любой поэт.
Думал, в Грозный запросто отвалишь,
А туда уже билетов нет.
Перекрыли в те края дорогу,
Даже и не суйся на перрон.
Не дают тому командировку,
Кто «к штыку не приравнял перо».
А дадут — потом не обижайся
На свою нескладную судьбу:
У тебя «возвышенные» шансы
Возвратиться в цинковом гробу.
Правда, может, ты уже под Грозным?
Неспроста тебя уж с месяц нет.
Ты ведь, если надо, был серьёзным,
Хоть наивным, как любой поэт.

* * *

Вроде бы случайно, с кондачка,
Привела соседка наша Клава
Чёрного такого мужичка —
Южного и обликом, и нравом.
Он по-русски плохо говорил,
Не писал по-русски. Но у парня
Котелок зато всегда варил
Так, что деньги круто закипали.
Видно, с гор спустившийся орёл
Был, к тому, же стоящий мужчина,
Если вскоре с Клавкой приобрёл
Дочку, а потом ещё и сына.
Но вчера мне встретились они —
Грустные, задумчивые лица.
Оказалось, парень из Чечни,
А сейчас такое там творится!..
У него родня там и друзья,
Клавка и детишки — здесь, на Волге.
И туда отправиться нельзя,
И невыносимо жить в тревоге.
— Пусть осудят, — говорит, — меня
Хоть Москва, хоть Грозный — всё едино.
Вот она теперь, страна моя:
Государство дочери и сына.

На могилу «афганцу»

Он знамя полковое целовал,
Но никогда не целовал девчонку.
Ещё о жизни
Ничего не зная,
Не знать хотел
И что такое
Смерть.
Но он на медкомиссии военной
Улыбчивыми, добрыми врачами,
«С учётом состояния здоровья»,
Мишенью стать пригодным
Признан был.
...И целился душман неторопливо.
И меткая стремительная пуля,
Ребро сломав,
Свой бег остановила,
Чтоб сердце заодно остановить.
Он — никогда...

Старик

Полную рюмку старик наливает,
Медленно пьёт в тишине.
Старшего внука старик поминает:
Внука убили в Чечне.
Дед поминает, но вспомнит едва ли
(Да и с чего б это вдруг?),
Как восхищённо глядел на медали
Дедовы маленький внук.
Рядом сияли они — «За отвагу»,
За Сталинград и Берлин,
Освобождённую чешскую Прагу,
Где завершились бои.
Дед поминает и видит едва ли
(Он и не смотрит вокруг),
Как восхищённо глядит на медали
Младший, оставшийся внук.
Дед наливает ещё одну рюмку,
Медленно пьёт в тишине.
В армию скоро и младшему внуку:
Может, сгодится в Чечне?

Дедовщина

Достала до печёнок дедовщина —
И расстрелял солдат весь караул.
Одни потом судачили: — Мужчина!
Другие: — Зря парнишка психанул.
А он, переодевшись по гражданке,
Припрятав офицерский пистолет,
Тайком ночами пробирался к мамке.
Куда ещё-то в восемнадцать лет?!
Солдата по достоинству встречали.
Наивный, он не знал себе цены:
В засаде стерегли его ночами
Такие же солдаты-пацаны.
Его просили добровольно сдаться,
Но парень из «макарова» пальнул.
И тут же пули «калашей» солдатских
Дополнили убитый караул.
Бывает время: плачет и мужчина,
Когда не мил ни тот, ни этот свет.
Есть в армии, наверно, дедовщина.
Но там, где караул убитый, — нет.

Ветераны

Снова митингуют ветераны.
Лозунги... Портреты... Красный стяг.
Всё это потом с телеэкрана
Городу покажут в «Новостях»
Всё, как есть, расскажут репортёры —
Вот они, мол, наши старики:
И штаны чуть не до дыр протёрты,
И до пяток сбиты каблуки.
Репортаж ничуть не приукрашен.
Всё в сюжете, вроде, на местах.
То по-настоящему и страшно,
Что на самом деле это так.
Митингуют, рвут минувшим душу.
С юным поколением — разлад.
Но как только запоют «Катюшу» —
Подпоют им дружно стар и млад.

Проводы

Год рождения — 1948-й

Из автобиографии

Проводите меня в 41-й.
Помашите платочками мне
И поплачьте о том, что, наверно,
Я погибнуть могу на войне.
Сшей, жена, мне кисет поглубее,
Чтоб на сгибах не тёрся в пути,
Чтоб кисета того мне
До Шпрее,
До Берлина хватило дойти.
Дай мне, мать, на прощание песню,
Чтоб от пули служила щитом.
Ну, а если,
А если,
А если...
То —
Роди меня в 48-м.

День рождения

Вот паспорт, метрики. Всё точно.
Рожденья дни, я к ним привык.
В семидесятых — сын и дочка.
А сам — в конце сороковых.
Послевоенные мальчишки —
Гроза девчонок, сорванцы,
Войну учившие по книжкам,
Теперь и сами мы — отцы.
А наши не отцы, так деды —
Те, кто огнём рассеял тьму,
Не все дожили до Победы.
Но мы живём. И потому —
Ещё одно у нас рожденье,
С какого года ни считай:
Девятое,
Тот день весенний.
Год — сорок пятый.
Месяц — май.

Под дождём

Врезалось в память:
Дождь приплясывал,
Дорога была мокрой и скользкой
И ехал по ней инвалид на коляске.
Знаешь, такая — на четырёх колёсиках?
Мы стояли под зонтами, карнизами.
Что нам дождик? Так, баловство.
А он по плечи был грязью забрызган.
И ко лбу прилипли седины его.
Что его мотало по раскисшим улицам?
Где ему маячил заветный причал?
Горько, понимаяще переглянулись мы.
Он усмехнулся. И промолчал.
А когда неловко — да иначе мог ли? —
Лез на тротуар он, словно это стена, —
Звякнули медали из-под куртки мокрой
И блеснули холодно ордена.

* * *

При слове «женщина» война
Движения не задержала.
Как проливала кровь она,
Так проливать и продолжала.
Ей всё равно, в конце концов,
Кого ужалить прямо в сердце:
Что атакующих бойцов,
Что мать, кормящую младенца.
Когда взрывается снаряд,
Ты тщетно затыкаешь уши:
Осколки режут всё подряд —
Живую плоть, живые души.
Но после боли и тоски
По всем погибшим
Незлобиво
Войну разносят на куски
Демографические взрывы.

Майор

Что задумался, майор,
В переполненном трамвае?
Вызывали «на ковёр»
Или только вызывают?
Может, вспоминаешь ты,
Как в курсантах жили-были?
(Если двадцать лет муштры
Память напрочь не отбили!)
Видно, грезились тогда
(Не на том ли ты попался?)
Генеральская звезда,
Генеральские лампасы.
Да, похоже, не в цене
Были все твои старанья.
Это, брат, не на войне —
Не получишь быстро званье.
Ну, а может, всё не так?
Может, служишь без амбиций?
Да ещё в таких местах,
Где к лампасам не пробиться?
...Эй, куда же ты, майор,
Вместе с утренней толпою?
Я ведь только разговор
Начинать хотел с тобою...

Фото

Фотограф навёл аппарат:
«Внимание! Тихо! Снимаю!».
И вот уже сцена немая —
Семейной истории факт.
На снимке — чета молодых,
В обнимку друзья и родные.
На вечные веки отныне
Связало мгновение их.
Но Вечный огонь и солдат,
Воздвигнутый на пьедестале,
В тот памятный кадр не попали —
Фотограф снимал не попад.
А ехала свадьба, чтоб тут —
Не где-нибудь — сняться на память,
Чтоб детям и внукам оставить
Свидетельства этих минут.
Не очень-то огорчены
Жених и невеста, похоже,
И мамы, и папы их — тоже,
Рождённые после войны.
...Вот новый кортеж не спеша
Подъехал. Фотограф тут вертится.
И автомобильные дверцы
Стучат,
Как стучал ППШ*.

---

* ППШ — пистолет-пулемёт системы Шпагина.

Разговор

- Слышишь, стреляем опять?
- Слышу, конечно.
- Нам не впервой убивать.
- Да, вы прилежны.
- Ты же — опять о цветах...
- ...И о деревьях.
- Глупо же верить, что так...
- ...Я и не верю.
- И всё равно — о любви?
- Да, и про звёзды.
- Что на погоны легли?
- Нет, что из бездны.
- А не наивен ли ты?
- С детства, к тому же...
- Чем же помогут цветы?
- Целиться хуже.
- Если цветы эти всё ж...
- ...Вырвать успеем?
- Чем же прицел ты собьёшь?
- Сердцебиением.
- Нам наплевать на сердца!
- Да, не откажешь...
- Скажешь, не хватит свинца?
- Сам это скажешь!

Красное и белое

Красные белых больше не бьют.
Белые с красными вместе,
Раны врачуя, за здоровье пьют,
Не помышляя о мести.
Тем и другим надоела война,
Лучше уж всем, право слово,
Водочки выпить или вина —
Или того и другого.
И развязались у всех языки,
И разгораются страсти.
Как ни хотят в мире жить мужики —
Помнятся старые распри.
Хоть ты в застолье лишь пей, но не ешь,
Хоть ты закусывай мясом,
Всё-таки это опасная вещь —
Смешивать белое с красным.

Пророки

Сколько ты, Россия, настрадалась,
Сколько предстоит ещё страдать —
Никакой на свете Нострадамус
Этого не смог бы предсказать.
И лукавым нынешним пророкам
Беды предвещать не надоест:
Чуть не каждый как бы ненароком
Метит на тебе поставить крест.
Если бы пророчества сбывались,
То уже, наверное, не раз
Мы бы все без Родины остались,
И она, болезная — без нас.
Кончились назначенные сроки,
Но не меркнет над Россией свет.
Зря ей, что ли, грозные пророки
Предвещали всё-таки расцвет?!

На колени

Снова на колени нас поставить
Размечтались верные враги.
На просторах русских неспроста ведь
Всё слышней нерусские шаги.
Всё страшней они, всё откровенней.
Но не беспокойтесь, господа:
Мы и сами встанем на колени,
Как бывало в прежние года.
Встанем на колени — для молитвы,
Чтоб Господь помог осилить страх.
А потом пойдём на поле битвы —
Грудь в крестах иль голова в кустах!

Хлеб

В магазине хлебном
                                ни души,
Лишь считает мелочь продавщица.
Да старушка выбрать не решится
Булку.
Видно, булки хороши.
— Что, мамаша,
                                дорога цена? —
Продавщица пошутила колко.
— Просто, дочка, вспомнились
Война,
Очередь
И здесь — пустая полка...

Игра

Страдали мы: нам так не повезло
Родились после войн и революций.
Но, невезенью нашему назло,
Мы воевали.
Улица на улицу.
И мужественны были в том бою
Юнцы лихие, вставшие под знамя.
Мы защищали улицу свою —
Как если бы Москва была за нами.
И хоть отцы нам ставили в вину
Излишний пыл, переходящий в ярость,
— Играли мы по всей стране в войну,
Чтоб на страну враги напасть боялись.

Мужик

В Москве витийствуют нардепы.
В глуши безмолвствует народ
С угрюмой мыслью: взять бы где бы
Хотя бы хлеб на бутерброд.
Там пьют «Распутин» под икорку,
«Наполеон» пьют под лимон,
А тут заплесневелой коркой
Занюхивают самогон.
Им друг до друга нету дела —
Правителям и мужикам.
И загоняет в ствол умело
Мужик безжалостный жакан.
Ему с утра бы похмелиться,
Но он — ни капельки вина.
И хоть косится на столицу,
Уходит в лес.
На кабана.

Драка

Бог даст, не будет драки.
А будет — так опять
Не надо, как собаки,
Друг другу глотки рвать.
С младенчества не падки
На нежные слова,
Получим по сопатке
И раз, и даже два.
Дадим задирам сдачи,
Но большего — не сметь!
Никак нельзя иначе,
Иначе, братцы — смерть.
Беречь давайте силу.
Не то в недобрый час
Подратся за Россию
Уже не хватит нас.

Периферия

Провинция... Периферия...
Привыкли так и мы, и вы,
Что мы — заведомо вторые
У Петербурга и Москвы.

А нам и в пятых, и в десятых
Вполне уютно поживать.
В домах бы только был достаток —
Что принадлесть да пожевать.

В столицы прут провинциалы,
Прижиться многим удалось.
Провинциальные нахалы
Приобрели столичный лоск.

И мы вам, гордые столицы,
Ещё людей своих пришлём.
Вы ими будете гордиться,
И мы — как будто ни при чём.

Но мы — не гордые, нам надо,
Всего-то надо, господа,
Чтоб все столичные расклады
Не приносили нам вреда.

Чтоб не слыла периферия
Безродной дурочкой у вас.
А кто там первые, вторые —
Плевать на это тыщу раз!

Брань

Двор оглашает нерусская речь
С примесью русского мата.
Чем-то сумел же, однако, привлечь
Русский язык супостата.
И привлекли не его одного
Перлы словесного блуда,
Но и приникшее к нам большинство
Иноязычного люда.
Правду сказать, уступают они
Нашим родным златоустам,
Сделавшим брань в окаянные дни
Национальным искусством.
Но всё равно мне, какой губошлёп —
Наш или тот, заграничный,
Так далеко тебя сдуру пошлёт,
Что и сказать неприлично.
Я не знавал, мужики, вашу мать,
Вас.
Но узнаю, быть может.
Только не надо меня посылать.
И не пошлю я вас тоже.

Бес

Какой в тебя вселился бес?
Ведь ты и Родину стихами
Так превозносишь до небес,
Чтобы швырнуть сильнее на камни.
Своим цветастым подолом
Она и кровь, и слёзы вытрет
Ты усмехнёшься: «Поделом!
Ещё не то она увидит».
Не ошибёшься в этом ты:
Увидит и всплеснёт руками,
Когда ты камнем с высоты
Низринешься на те же камни.
Она, твой гонор и апломб
Не принимавшая серьёзно,
Всё тем же самым подолом
Тебе утрёт и кровь, и слёзы.
Поймёшь ли, что её родней
Нет в мире этом поднебесном,
Иль станешь стлаться перед ней
И рассыпаться мелким бесом?

Без царя

Нет, не зря мы бранились. Не зря
Перемыли все царские кости.
Схоронила Россия царя
На святом августейшем погосте.
Грех великий на русской душе
Долго будет ещё оставаться.
Но и то, что свершилось уже,
Очищением вправе назваться.
Из-за страха казну потерять,
Из-за власти, а то из-за бабы
Век за веком друг в друга стрелять
Стало русской народной забавой.
Шансов не было, царь-государь,
Избежать ни позора, ни смерти
В дни, когда закалялись, как сталь,
Со свинцовыми пулями смерды.
Мы идём по родной трын-траве
И поймём ли, что в самом-то деле
Плохо жить без царя в голове,
Даже если царя и отпели?

Монумент

Москвичи очнулись на рассвете,
Глянули в окошки — ё-моё!
Минина-то нет на постаменте,
Да и нет Пожарского на нём!
Как в мешке пустом не спрятать шила,
Так не скрыть пропавшее.
Увы,
Тут не память — памятник отшибло
У столицы Родины — Москвы.
Спорили в Кремле и на Арбате:
То ли поразил небесный гром,
То ли сгоряча ночные тати
Сдали монумент в металлолом.
Приняла столица близко к сердцу
Эту весть безрадостную, но
Больше всех тужили чужеземцы,
Кох на Москве полным-полно.
Не переставали поражаться
Новым слухам эти господа:
Ожили, мол, Минин и Пожарский
И ушли неведомо куда.
Видели их, вроде бы, на Волге
Во главе несметных русских сил.
...Иноземцы неспроста в тревоге:
Помнят, знать, историю
Руси!

Сон и явь

Надо же такому вдруг
                                присниться —
Аж не уместается в мозгу:
Пала наша древняя столица —
Мэр Москвы вручил ключи врагу.

Враг дымит сигарой,
                                хлещет виски
И уже — поверите ли вы? —
Составляет наградные списки
На медаль «За взятие Москвы».

Весь бомонд заморский
                                в этих списках,
Да и Старый Свет не обделён.
Но немало в списках
                                и российских,
Хорошо известных всем имен.

Сонь и явь почти неразличимы:
В них не нашей видится Москва.
Потому отнюдь не без причины
По России слышатся слова:

«Вам, осатаневшие от оргий,
Явится вживую — не во сне —
Скачущий с копьём
                                святой Георгий
По непокорившейся Москве!».

Вновь кострами озарятся дали,
Люд российский
                                вновь пойдёт «на вы».
И никто не спросит про медали
«За освобождение Москвы».

Урок

Вывели чёткое: Родина.
Головы к партам
                                склоня,
Учится
Женского рода
Имя склонять ребятня.
Вот именительный —
                                просто:
Родина, мама, река,
Улица, дружба, берёзка...
А вот в родительном —
                                как?
Вроде, и это несложно,
Знают ребята ответ.
Только понять
                                невозможно:
Как это — Родины нет?..

Рикошет

Опять стреляли в бизнесмена,
Но что-то дал «макаров» сбой.
Не то нувориш непременно
Переселился б в мир иной.

Ему ни холодно, ни жарко —
Как он пытался представлять.
А мне его, представьте, жалко:
Небось, попробуют опять.

Всё стало и легко, и просто,
Как будто это озорство:
Словами не решил вопроса —
Решаешь пулями его.

Не говорить бы нам об этом —
Ни вам, нувориши, ни мне,
Да пули эти рикошетом
Незримо бьют по всей стране.

* * *

Я давно уже не комплексую —
Что измена, что переворот.
Видите вы женщину босую?
Это наша Родина идёт.
С полною сумой, вручную сшитой.
Кажется, чего в ней только нет!
Но вдобавок там же, для защиты —
Пара баллистических ракет.
Хорошо им, сытым и богатым.
Плохо — нам, Иванам-дуракам:
То ли здесь рванёт немирный атом,
То ли улетит за океан.

Дураки

Ты назвал его дураком —
Аж разинули люди рты.
Но он тоже с дурнем знаком.
И, конечно же, это — ты,

Мне судить о вас не с руки,
Но не выбьешь из головы:
Оба вы, друзья, дураки.
И, наверно, не только вы.

В годы мирные льётся кровь,
Не пугает убийц тюрьма.
Убеждаемся вновь и вновь
В том, что горе — не от ума.

Где ума-то, нам сирым, взять,
Чтоб не вляпаться в полный крах,
Чтоб в свой час дурака валять,
А не быть всегда в дураках?

Россия

Станиславу Говорухину

На документальном материале
— Сурово, без всяких прикрас —
«Россией, которую мы потеряли»
Нам всё рассказали про нас.
Мы это и сами, конечно же, знали
Повсюду —
От сёл до столиц.
И всё ж хорошо, что темно было в зале —
Не видно краснеющих лиц.
Но нет и не может быть материала,
Чтоб высказать миру всю боль
России, которая нас потеряла,
Хоть числит пока за собой.
Мы долго и трудно блуждали в потёмках,
Рискуя бездомными стать.
И только наивная мысль о потомках
Вела нас друг друга искать.
И телом, и духом — уже не в трясине.
Дойдём и до твёрдой земли,
Где снимем когда-нибудь ленту
«Россия,
Которую мы обрели».

Хочу в Москву

Хочу в Москву. Душа затосковала
Вдали от родников твоих, Москва.
Хорошей жадностью провинциала
Хочу в Москву. Хотя бы дня на два.
Хочу размаха улицы московской,
Где никому нет дела до меня.
Хочу пройти по залам Третьяковской
И постоять у Вечного огня.
Всего два дня.
Не десять и не двадцать.
Мне хватит этих двух коротких дней
Мелькнуть кровинкой
В сердце государства,
Чтобы вдали пульсировать сильнеей.

Бегите, ребята!..

В Израиль, Испанию, Штаты,
Куда-то ещё за кордон
Бегите, бегите, ребята,
Бросая родительский дом.
Таковыми не шутят вещами:
Давно, видно, зрело в душе.
И ваша слеза на прощанье
Меня не обманет уже.
Бегите, бегите, ребята!..
Открыты всех стран рубежи.
Жить будете, может, богато,
Хотя вы и здесь — не бомжи.
Ваш истинный облик открылся:
Милей вам чужая земля.
Бывает, смываются крысы
Не с тонущего корабля.
Ищите заморское счастье,
По белому свету сквозя.
Не надо, друзья, возвращаться.
Да, впрочем, уже не друзья.

Курилы

Баллада про царя и микадо

Однажды приходит микадо
К царю православной Руси
И молвит: — Спросить что-то надо.
А тот и не против: — Спроси.
— Сибирь вы давно покорили
И Дальний Восток заодно.
Зачем вам ещё и Курилы?
Тут царь возмутился: — Но-но!
На то мы и русская сила,
Чтоб силы иные ломать.
На то и зовёмся Россией,
Япона и прочая мать.
С царём не согласный микадо
Застенчиво проговорил:
— Нам тоже чего-нибудь надо,
Хотя бы немного Курил.
Тут царь, подустав от японца,
Куда-то послал наугад
Страну Восходящего Солнца.
Наверно, туда, где закат.
...Менялись цари и микадо.
Однако и через года:
«Нам тоже чего-нибудь надо» —
С востока звучит иногда.
Никак не усвоят японцы,
Что нет Кунаширу цены,
Что, если земля продаётся,
То лишь у продажной страны.
И разницы нет — что Курилы,
Что прочие земли проси.
Недаром о том говорили
Цари православной Руси.
Низы тебя просят, верхи ли,
Микадо, пора понимать,
Что выхода нет в харакири,
Япона и прочая мать!

Голоса

Кто во славу Родины, кто против —
Льём пустопорожние слова.
А Россия нас, таких уродов,
Слышать не желает — и права.
У неё свои, хотя и тише,
Но проникновенней голоса:
Звон капли, падающей с крыши,
Скрип ступенек отчего крыльца,
Плеск ручья в таинственном овраге,
Писк синиц, слетающих на снег...
Всё, чего ни вслух, ни на бумаге
Передать не в силах человек.
Только, чтобы это всё услышать,
Хорошо б сначала не кричать —
Говорить всё тише, тише, тише...
А потом и вовсе замолчать.

Кликуши

Поймёшь не сразу,
лучше или хуже
Живёшь теперь ты, отчая земля.
И всё же зря
злословили кликуши,
России гибель скорую суля.
Таких речей
наслушались мы много,
Пока искали верные пути.
Кликуши где? Туда им и дорога!
А нам — в другую сторону идти.
Туда, где нас не раз ещё эпоха
Заставит взяться
за потёртый гуж.
Где, как ни трудно,
тем уже неплохо,
Что нет кликуш.

Коммуналка

Дом — под снос... Простая коммуналка
Полдюжата крохотных квартир...
Может, потому тебя и жалко,
Что с тобой уходит целый мир —
Сумрачный, бревенчатый, кондовый,
Уцелевший в войнах мировых,
Никому не нужный в жизни новой,
Кроме обитателей своих?
Ты и впрямь казался неуместным
Меж высоток ветхостью своей —
Дом, где много лет одним семейством
Жили эти несколько семей.
Ничего, что во дворе «удобства»,
Что в щелях полы и потолки.
Тут зато свои все были «в доску»
И порой — до гробовой доски.
А теперь бульдозер завывает,
Оставляя гусеничный след,
Гулко «баба» сваи забивает —
Словно гвозди в гроб минувших лет.

Валенки

Сапожками хорошими
Кого ты удивишь!
Вот валенки с калошами —
Существенная вещь.
Что на рыбалку зимнюю,
Что на хоккей с мячом...
С надетою резиною
И слякоть — нипочём!
Сухие ноги стоили
Того, чтоб недоесть,
Но в полотно истории
Вплести овечью шерсть.
«Россия, — в мире вякали, —
Валяет дурака».
А мы валяли валенки,
И в них во все века
Мороз сорокаградусный
Не представлял угрозы.
Не зря обулся радостно
В них даже Дед Мороз.
Для взрослых и для маленьких
Обувка — хоть куда!
И ты в калошу в валенках
Не сядешь никогда!

Крепкие люди

По датам и днями простыми
Народ продолжительно пьёт.
Спивается тихо Россия,
Но громко при этом поёт.
Нестройно поют, по-простецки,
Все вместе — кто пил и не пил.
Поют даже те, кому в детстве
На ухо медведь наступил.
По счастью, и в даты, и в будни
Меж теми, кто пьёт и поёт,
Есть всё-таки крепкие люди,
Которых и литр не берёт.
Ждёт снова с утра их работа —
Не с новыми рюмками стол.
Они похмеляются потом,
Что вкусом похож на рассол.
Не ждут эти люди оаций,
Трезвы они в мыслях вполне:
Начни, как иные, спиваться —
Всю песню испортишь стране.

Сторож

Константину Рассадину

Современная история —
Сослагательного нет:
В сторожах профилактория
Обретается поэт.
У него по службе рвение:
Запер дверь на шпингалет —
И пиши стихотворения,
Если к сну таланта нет.
Ну, а кроме стихотворчества,
Есть ещё один инстинкт:
Иногда творить не хочется.
И не надо, Константин.
С вдохновением, наверное,
Всё придёт само собой.
Вон ведь что без вдохновения
Сотворили со страной.
Мы с традиций замечательных
Не свернули ни на шаг:
Ходят неучи в начальниках,
А поэты — в сторожах.
Подсилят в начальстве, сволочи,
Выпрут и из сторожей.
Из поэтов не уволят же
Ни приказом, ни взашей!

На Сент-Женевьев-де-Буа

Над Сент-Женевьев-де-Буа —
Высокое вечное небо,
У тех, кто лежит здесь, судьба
Сложилась и зло, и нелепо.
Какой сокрушительный вихрь
Тогда над Россией пронёсся!
И бросил, расхристанных, их
Среди говорящих с прононсом.
Они привыкали смирать
Свою родовую гордыню.
В пределах чужих умирать
Они привыкали отныне.
И в землю парижскую все
Навеки ушли, безвозвратно.
Никто уж: «Парле ву франсе?» —
Не спросит теперь эмигранта.
Но как ни смертельна судьба —
Есть горькая радость и в грусти:
На Сент-Женевьев-де-Буа
Ещё говорят и по-русски.

Речка Кия

Речка Кия, льстить не стану:
Память выбрала навек
На Кузнецком Алатау
Ледниковый твой разбег.
Как ты, речка, не устала
Век за веком, до сих пор,
Вся изранившись о скалы,
Исцелять собой простор?
Без тебя бы здесь погибли
Шум лесной и птичий свист,
Не возник бы лесопильный
Детства город — Мариинск.
То свернёшь к широким плёсам,
То струишься по камням.
Поворачиваешь просто
Или ищешь ты меня?
Речка Кия, не отыщешь,
Я к другой реке припал.
Между нами пали тыщи
Железнодорожных шпал.
Но взяла и не отпустит
С детских лет к тебе любовь,
Хоть ты, речка, даже в устье
Меньше воложки любой.
Не могу — такая жалость!
Возвратиться. Ты прости.
Только тем и утешаюсь,
Что вы обе на Руси.

Китеж

Запросто взором окинешь
Эту озерную гладь...
Долго ль ещё с нами, Китеж,
Будешь ты в прятки играть?

Или уже бесполезно
Ждать, что в какой-нибудь год
Средневековая бездна
Русичам город вернёт?

Пусть и не быль, а легенда.
Всё-таки нравится мне,
Что прозвучала не где-то,
А на российской земле.

Земля

Свет мой, свет...
Индевеющий пыл —
По упругим рябиновым веткам.
Поле пашнею, словно вельветом,
Тракторист от морозов прикрыл.
Отдыхает до срока земля,
Что вскормила и рожь, и рябину.
У неё — все равны и любимы.
Не забыла она и меня.
Не забыла в сумятице дней
Дать мне жизнь, одарить вот такого
Счастьем вымолвить тихое слово
Обо всём, что безмолвно на ней...

В Тепловке

Тепловка...
Понизу — речка.
Сызранкой речку зовут.
От городов недалечко
Люди здесь тихо живут.
Пашут и сеют, и косят.
Жнут, и опять же — на зябь.
Платье обычное носят:
То, что в селюпо можно взять.
Жаль только, меньше народу
Стало со временем тут.
За городскую породу
Нынче себя выдают
Бывшие Ваньки да Маньки,
Сельский забывшие дух,
Жизнь получившие в баньке —
В тёплых руках повитух.
Бросили к чёрту усадьбы
Ради высоток огней.
Разве что ездят на свадьбы
Да на поминки к родне.
Плещут в «гранёные» глотки
Стопку за стопкой подряд.
И, распаляясь от водки,
Громко потом говорят.
И с мужиками в обнимку
— Теми, что в город не рвут,
Пляшут порой на поминках,
Горько на свадьбах ревут.

Баба Таня

Веник, валенки, герани,
В чугушке бурлит пшено.
В кулачке у бабы Тани
Вертится веретено.
Свяжет тёплые носочки
— Не по мерке, наугад.
И пошлёт их в город дочке,
Не для дочки — для внучат.
— Вроде к радости причина,
Чем же ты огорчена?
— Дочь вязать не приучила, —
— Сокрушается она. —
— Но на летние денёчки
Внучку взять сюда хочу.
Коль не выучила дочку,
Так хоть внучку научу.

За грибами

Эх, дороженька на Рамено!
Лихо вертится кардан,
Вот и сельская окраина —
В гордых дачах горожан.
Вот извилистая улица —
Рай коров, овец и коз.
Тут же — утки, гуси, курицы,
А на выезде — погост.
Здесь к ржаному полю выкатил,
Там — к лужайке со стожком.
Всё! Глуши, водила, двигатель,
Дальше можно лишь пешком.
...По оврагам так находишься
За грибами,
Что хоть вой.
Заплутаешь — где находишься?..
Водит леший по кривой.
А куда кривая выведет,
Если вдоль и поперёк
То опят весёлый выводок,
То белянок островок?
Вот и прёшь чуть не до темени
На карачках без путей
И упрёшься самым теменем
Прямо в бампер «Жигулей».
Снова сельская окраина
— Всё здесь знаю наизусть.
Эх, дороженька на Рамено,
Я сюда ещё вернусь!

Соловей

Заливался соловей
На подмостках клуба...
Там и хитрости-то всей —
Дует через губы.
А поди ж ты, как потом
Хлопали артисту,
Восхищались всем селом
Щёлканьем да свистом.
Но закончился концерт
Под аплодисменты
И артисту на крыльце
Дед один заметил:
— Ремесло ты, друг, своё
Знаешь: лихо свищешь.
А живых-то соловьёв
Днём с огнём не сыщешь.
С чьей, не знаю уж, руки
Дело разрешилось:
Опыляли сорняки,
Заодно — и живность.
Авиаторы лихи,
Дюже постарались:
В певчих птицах — петухи
На селе остались.
Так что ты свисти давай,
Радуй душу людям,
А не то и вовсе, чай,
Соловья забудем.
Засмущался тут артист
И сказал:
— Простите,
Я и сам-то этот свист
Разучил с пластинки.
...Были сумерки тихи
Да и утро — тоже.
Но кричали петухи
Долго и тревожно.

Деревня

Стало кладбище больше деревни,
В ней осталась лишь дюжина изб.
Так закончил с крестьянством боренье
Недоразвитый социализм.

А крестов-то, крестов на погосте!
Словно, руки в объятьях раскрыв,
Зазывают они к себе в гости
Остальные дома и дворы.

Гостевание тем и чревато,
Что на этой незримой меже
Ни одна деревенская хата
Не останется крайней уже.

Люди вымрут иль в город соседний
Переедут из отческих мест.
Видно, впрямь и на этом селеньи
Жизнь поставит безжизненный крест.

Звон

Слышу звон...
Да теперь-то и знаю, где он
Раздаётся, — на той колокольне,
Что без всяких препон вижу с разных сторон.
Оттого и на сердце спокойней.
Поднимается к синему небу звонарь,
Помолившийся перед иконой.
И в любую погоду над нами, как встарь,
Разливается звон колокольный.
Мы и раньше, конечно же, слышали звон,
Уплывавший в небесные дали,
Да откуда был он, из каких он времён,
Только близкие к Небу и знали.
Отболев глухотой, каждый слышит своё
В колокольном чарующем звоне.
И услышать ни музыку, ни соловьёв
Он уже не мешает нам ноне.

Нехристи

Молодые, зубастые,
Каждый — груб и упрям.
Им духовные пастыри —
Словно ладан чертям.

А на шеях мотаются
Золотые кресты —
Не из Божьего таинства,
Из пустой красоты.

Матюгаются, походя,
В Бога, душу и мать.
Время в пьянстве и похоти
Так легко убивать.

И не тяжко им грех нести
Под «ха-ха» да «хи-хи».
Знать, не ведают нехристи,
Что такое грехи.

Эх, юнцы, ваши капища —
Не пустая игра.
Гром не грянул пока ещё,
А креститься — пора!

Крестик

В храм Божий пойти помолиться
На нынешнее Рождество?
А может, сперва похмелиться,
Потешив своё естество?
О храме он мельком подумал,
Когда одевался с утра.
И тут же прямёхонько дунул
Туда, где набрался вчера.
Сшибал у прохожих монетки,
Привычно не пряча глаза.
На водочные этикетки
Молился, как на образа.
В кругу алкогольного братства
Божился, что больше не пьёт.
А к вечеру снова набрался —
Он сам это знал наперёд.
Когда его утром в котельной
Нашли на сыром уголке,
Всплакнули: он крестик нательный
Сжимал в омертвевшей руке.

У иконы

Зажгу у иконы свечу
— Свет на душу ляжет.
Бог знает, о чём я молчу,
Но вам — не расскажет.
Свеча у иконы горит,
Мир полнится светом.
Бог знает, что
Он говорит.
Вы поняли это?

Одиночество

Мамы и папы, дети и внуки.
Толпы друзей и родни.
Господи, как же мы все одиноки,
Хоть и живём не одни!
С севера, запада, юга, востока
Странами окружена,
Господи, как же ты, Русь, одинока,
Хоть на Земле не одна!
Звёзд и планет удивительно много
Мчится в космической мгле.
Господи, как ты, Земля, одинока!
Как человек на Земле...

В дорогу

Через марлю тумана
Цедит солнце лучи.
Что так рано ты, мама,
Встала нынче в ночи?
Мне сегодня в дорогу?
Так не в первый же раз.
Поспала бы немного
В этот утренний час.
Но приветом из детства —
Сладковатый слегда —
Запах сдобного теста,
Не забытый пока.
Мать проводит в дорогу.
Так пошло искони —
Не отпустит с порога
Без домашней стряпни,
Без печального взгляда,
Без солёных слезин.
Это матери надо.
И тебе надо, сын.
Память чтоб не дремала,
Чтоб навек заучил,
Где сквозь марлю тумана
Цедит солнце лучи.

Провинция

Поют с телеэкрана дивы.
Но сколько ты от них ни млей,
Провинциальные мотивы
Столичных шлягеров милей.
То песню русскую услышишь,
А то частушку под гармонь —
Тем ты, провинция, и дышишь,
Тем ты и теплишь свой огонь.
А эти дивы из столицы,
Уняв свою былую спесь,
Ещё приедут поучиться,
Как для народа надо петь.

Хата с краю

Что нравится, то выбираю,
Хоть это не всем по нутру.
Я выбрал: моя хата — с краю,
Пришлась она мне ко двору.
Смеётесь: куда тебя черти
Опять занесли, дуралей?
Но всё, что случается в центре,
С окраин гораздо видней.
И, если ретивые слишком
Враги нападут, не дай Бог —
Я первый их встречу с ружьишком,
Чтоб вас не застали врасплох.
Что нравится, то выбираю —
Такая пошла полоса.
Вам тоже нужна хата с краю?
Могу подсказать адреса.

Сызрань

Рвани стоп-кран!
Колёса с визгом
Рассыпят искры между шпал.
А то — гляди! — проедешь Сызрань,
Вокзал которой ты проспал.
Рвани, пока в окне вагонном
Не промелькнула Сызрань-два,
Пока состав, не взяв разгона,
Стучит колёсами едва.
Начальник поезда капризно
Начнёт ворчать: мол, стыд и срам.
Но он не знает город Сызрань,
А то бы сам рванул стоп-кран.
Все города ему и веси —
Лишь остановки на пути.
Тебе же не сойти здесь если —
С ума сойти!

* * *

Если ты идёшь по городу,
Но забыл его название,
А тебе навстречу девушка —
Просто глаз не отвести...
Значит, ты идёшь по Сызрани,
Потому как в прочих местностях
Ты на прочих смотришь девушек
Просто для отвода глаз.
Если с первой встречи девушка
Вдруг с тобою обнимается,
А тем более целуется —
Значит что-то тут не так.
Видно, ты совсем не в Сызрани,
Потому как наша девушка
С первой встречи не целуется,
Разве только — со второй.
Если между поцелуями
Ты и девушка слышали
Марш, которым так прославился
Композитор Мендельсон,
Знать, вы оба — в загсе сызранском.
Ну, а нам того и надобно,
Чтобы вновь рождались девушки —
Просто глаз не отвести.

Судьба

Банку тушёнки нежно вспороть,
В кружки набулькать спиртяшки.
Да не сдадутся ни души, ни плоть,
Как наши ноши ни тяжки!
Это лишь кажется, что налегке
Жизнь мы размашисто мерим.
Держит судьба нас в своём кулаке
Так, что и пикнуть не смеем.
Но разжимаются пальцы подчас
И у судьбы на мгновение.
И уж тогда не удержите нас
Вы — ни пространство, ни время!
Шпарим зигзагами и по прямой —
Как на дистанции спринта.
Даже дыхалку сбивает порой,
Словно от чистого спирта.
Пусть мы под небом встаём на постой,
Пусть обморожены щёки.
Лишь не валяться бы банкой пустой
Из-под говяжьей тушёнки.

«Скорая»

Вновь — инфаркт.
Обычная история.
Наконец явились доктора.
Увозила медленная «скорая»
Старика больного со двора.
Но потом неслась неосторожно,
Чтоб в «реанимацию» успеть.
Обгоняла всех, как и положено.
Обогнала лихо даже смерть.
Вот уже огни больницы светятся,
Промелькнул последний светофор.
— Доктор, дай мне что-нибудь от сердца, —
Попросил застенчиво шофёр.

* * *

Капитан милиции в фуфайке.
Но и в этой «форме» очень строг.
Он пять лет учился на юрфаке.
У него в момент схлопочешь срок.
У него суровая манера
Спрашивать: откуда, что и где?
Без такого милиционера
Может закрываться МВД.
В МВД, однако, капитана
Знать не знают.
Некогда, видать.
Им его за тыщу вёрст, понятно,
Из московских окон не видать.
...Капитан сдаёт своё дежурство,
Переодевается в шинель.
И выходит, как обычно, шустро
В буйную декабрьскую метель.
Не «при исполнении» он, вроде,
И по званию не величина.
Но, «мента» узнав, по подворотням
Прячется окрестная шпана.

Собаки

Поутру у мусорного бака,
Что заполнен был по самый верх,
Встретились бездомная собака
И — бездомный тоже — человек.
У обоих в животах урчало,
А в бачке — съедобные куски.
И тогда собака зарычала,
Обнажая страшные клыки.
Царь природы доказал, однако,
Что ещё не вовсе одичал:
Встал на четвереньки возле бака
И страшной собаки зарычал.
Он готов был ей вцепиться в горло
И она попятилась бочком.
Человек встал на ноги и гордо
Свесился над мусорным бачком.
Стой в сторонке, псина, да не вякай
И клыки оскалывать не смей.
Где тебе соперничать с дворнягой,
Вышедшей в собаки из людей?!

Бомжи

Обживают улицы бомжи.
Говоришь, загубленные судьбы?
Не скажи, приятель, не скажи.
Глянь, смеются как, хотя — беззубы.
Ни над кем из них начальства нет.
Им в начальство тоже не пробраться.
Стороною их обходит мент:
Что с них взять-то, этих голодранцев?!
Кое-что у них, конечно, есть:
В брошенных подвалах — даже койки,
А когда захочется поесть —
Не пусты ближайшие помойки.
Ну, теперь-то ты, приятель, вник,
Что они — счастливые, как дети?
Да и место жительства у них.
Определено до самой смерти.

Мозоли

Половина жизни позади
К тридцати пяти у мужика.
Ни тебе медали на груди,
Ни тебе тугого кошелька.
Но зато мозоли с малых лет
На ладонях загрубели так,
Что теперь им просто сносу нет,
Пальцы не сжимаются в кулак.
Чёрт уж с ней — медалью на груди,
Он годам откроет новый счёт:
Половина жизни впереди,
Даже больше, если повезёт.
К хрусту баксов, звону ли монет
Нет особой тяги в мужике.
Но пока мозолям сносу нет,
Будет что-нибудь и в кошельке.

Мать

Завяли цветы на платочке,
Волос привалило седых.
Давненько от сына и дочки
Нет писем. И нет их самих.
На стройку далёкую дети
Порхнули один за другим.
Им солнце сибирское светит,
Остыли к местам дорогим.
Сенца коровёнке задать ли,
Гусей покормить — всё одна.
А там уж, глядишь, председатель
Зовёт на просушку зерна.
А дети...
Пусть сами решают,
Как жить им сейчас и потом.
Жаль только — до срока ветшает
Хороший родительский дом.

Родня

Бабе Ане

Заснеженные домики,
В одном из них — она.
А родственники доняли:
Мол, что ты тут одна.
Мол, в город, как положено,
Давай переезжай.
Смеётся: разве можно?
А как же урожай?
И в лес — с весны до осени
Пути недалеки.
То ягодки приносит,
То крепкие грибки.
И горожан всё тех же
Из родственной горсти
Груздочками потешит,
Брусничкой угостит.
И миг свиданий дорог,
И в чувствах не соврут.
Но — лишь зимою в город
Они её зовут.
А летом — посмотри-ка:
На выходные дни
От мала до велика
Сюда спешат они.
Они — о чём тревога! —
Не сознают сполна,
Что им сюда дорога,
Пока жива она.
Пока ей это нужно —
Встречать да угощать.
Пока могилу мужа
Есть силы навещать.

ЕВРОПА — АЗИЯ

*Слева по ходу поезда,
если ехать от Кургана,
недоезжая Златоуста
(на 1961-м км от Москвы), —
столб «Азия—Европа».*

Запись от руки в атласе железных дорог СССР

Аукнул поезд в Азии —
Отозвалось в Европе.
Хоть части света разные,
А нет различий, вроде.
Что там — на склоны горные
Карабкаются шпалы,
Что здесь — бегут вагоны
Меж серых скал Урала.
Что там — деревья вымокли
В густых дождях осенних,
Что здесь — к дождям привыкли
Березник да осинник.
Но выглянуло солнышко
И видим мы из окон,
Как детвора с лукошками
Направилась к востоку.
В Европе лес облазили.
Наверно, всё собрали.
Теперь гурьбою в Азию
Подались за грибами.

Лузга

Старушки на скамеечке
И мелюзга
Пощёлкивают семечки —
Летит лузга.
Мальцам самоуверенным
Их жизнь — «ха-ха».
Всё до поры, до времени
Им — шелуха.
Не ругань и не проповедь —
Из взрослых губ:
Ещё судьба попробует
Вас всех на зуб.
Не устоять вам рядышком
В грызне такой:
Окажется тот ядрышком,
А тот — лузгой.
Тех падкие до семечек
Сожрут в свой срок.
А этих шустрый веничек
Сметёт в совок.
Запоминайте, олухи,
Старух совет:
Выращивать подсолнухи —
Милее нет!

По-другому

Всё будет совсем по-другому,
Ты только однажды решишь.
Дорога наладится к дому,
И в доме наладится жизнь.
В том доме скрипят половицы,
Не чищена печка давно.
Но самые певчие птицы
Слетятся под наше окно.
Полы починю я и в печке
Прочищу от сажи трубу,
Над дверью входною покрепче
Подкову на счастье прибью.
Не сможет оно заблудиться
С железной приметой такой,
И самые певчие птицы
Уже не простятся с тобой.

Крыша

Всё, что нужно мужикам, на дом залезшим,
Подкалымить в подоспевший выходной:
Кроют крышу оцинкованным железом.
Ну, и матом заодно, само собой.
Эх, забористое русское словечко,
Помогало ты работникам всегда:
Без тебя не получается и печка,
А уж крыша и подавно — высота!
Ты не слушай их, охальников, хозяйка,
И не смахивай румянец со щеки.
Лучше в погреб поскорее полезай-ка:
Кончив дело, слазят с крыши мужики.
Ставь на стол закуски щедрою рукою,
С первачом бутылъ зелёного стекла.
И пускай течёт сегодня он рекою —
Лишь бы крыша в дни другие не текла!

Проводница

Во мраке поезд простучал...
Недолго... Значит, пассажирский.
Там проводница спать ложится,
Но как ей плохо по ночам!
В далёком городе её
Ждут муж и малые ребята.
Готовят суп из концентрата,
Стирают кое-как бельё.
И поезда тугая нить,
Светясь, пространство прошивает,
По-человечески желая
Скорее их соединить.

По этой улице

В этом доме девочка жила
Здесь, по этой улице ходила.
Никому — мне одному светила.
Все не замечали, что светла.
Но легли на плечи мне в свой срок
Голубые флотские погоны.
Через штормы — долгие три года
Возвращался на родной порог.
Встретились. По-прежнему светла.
Только больше прежнего красива.
Оттого, наверное, что сына
На руках, баюкая, несла.

Отчим

Отчим был не очень озабочен
Поведеньем пасынка-юнца.
А чему тут удивляться? Отчим
Не заменит мальчику отца.
Он и заменить-то не старался.
Разве что порой, мальчика браня,
За ремень рукой нетрезвой брался,
Хоть и сам заслуживал ремня.
Срок пришёл — преставился мужчина.
Мать, хотя и не была стара,
Думала: «А вовремя у сына
Появилась всё-таки сестра».
Вот она, похожая на брата —
Взрослого, не прежнего юнца.
«Можно, мам, — спросил он виновато, —
Буду я теперь ей за отца?»

Тарелки

Жена тарелки новые купила:
Нарядные, с цветочками на дне.
Хоть выглядят они довольно мило —
Не нравятся тарелки эти мне.
Небьющаяся белая пластмасса —
Захочешь, об пол с маху долбани,
И прочих, мол, у них достоинств масса,
А всё равно — не нравятся они.
Жена в сердцах тарелку или блюдец
Расколет.
И обиды — как ручкой.
А с этими, которые не бьются,
Попробуй-ка супругу успокой.
И вот ещё к чему привыкнуть трудно:
Не в том проблема — бить или не бить,
Но в том, что к счастью билась та посуда.
А с этой-то несчастным, что ли, быть?
Ну, ладно, из пластмассовых поделок
Я буду есть и кашу, и блины.
Но парочку фарфоровых тарелок
Приберегу, однако.
Для жены.

Тебе

Адамово ребро,
Божественная сила,
Настройся на добро,
А то — невыносимо.
Пока, смешно сопя,
Ты спишь — кулак под щёку,
— Настройся на себя
А на кого ещё-то?
И, сны не торопя,
Я сяду к изголовью,
Настроюсь на тебя
Божественной любовью.

Жених

Как-то так повелось уж издревле
(Знать, рука у природы легка):
Даже в самой убогой деревне
Для девахи найдут жениха.
Ну, не в этой — так рядом, в соседней.
Не красавца — так, может, с мошной.
Главное дело — чтоб дуб не последний.
И не очень, конечно, смешной.
Незаметно, уныло, привычно
Будут жить в пятистенном дому.
А о том, что с любовью не вышло,
Не расскажут они никому.
Не добавят рассказы веселья,
Сколько душу минувшим ни рви.
Главное дело — чтоб дети, взрослея,
Не остались в свой срок без любви.

Парочка

Идут по улице — народ кругом дивится.
Старушки у ворот судачат, как всегда:
— И что он в ней нашёл? Обычная девица.
А он-то, посмотри, красавец — хоть куда.
Но парочка идёт, довольная друг дружкой,
Целуясь и смеясь, — обычные дела.
— Никак я не пойму, — он шепчет ей на ушко, —
И что же ты во мне, любимая, нашла...

Черты

Какое лёгкое дыханье!
Какие профиль и анфас!
Но вот... морщинки вертикальные
На переносице у вас.
Они не портят вас нисколечко,
Лишь откровенно говорят,
Что вы с лихвой хватили горяшка —
Аж не вмещается во взгляд.
И боль в тебе не умещается,
Когда опять увидишь ты:
Морщинки женщин превращаются
В национальные черты.
Но воли чувствам ты не дашь-таки,
Смиряешься, в конце концов.
Ведь у самой России-матушки
Давно такое же лицо.

Мамки

Порою зубами скрежещем:
Совсем вымирает, мол, Русь.
Но, видя беременных женщин,
Я так утверждать не берусь.

В девичестве, может, ломаки,
Но каждой нашёлся жених.
Какие хорошие мамки
Получатся вскоре из них!

Кому-то, увы, не досталось
Супруга — ушёл, паразит.
Зато одинокая старость
Мамаше теперь не грозит.

Конечно же, плохо без папы.
И всё же, пока в свой черёд
Рожают российские бабы —
Не вымрет великий народ!

Гадалка

Давай тебе, цыганка, погадаю.
Не про любовь, не про казённый дом,
Не про дорогу в песенные дали.
Я лучше погадаю о другом.
О том, что ты устанешь от кочевий,
Что усмиришь бродяжничества зуд,
Что в добрый час твоей судьбы качели
Тебя под крышу дома занесут.
Что будут у тебя тогда и кухня,
И горница, и спальня — хоть куда!
Что таборный шатёр однажды рухнет
И не взметнётся больше никогда.
...Цыганка озорно блеснула фиксой:
«Кончай валять, гадалщик, дурака.
Спокойной жизни — нету! Ну и фиг с ней!
Мне пуще жизни воля дорога».
Наверно, не врала. Хотя — умела.
И всё-таки на самом дне зрачка
— Золой в костре — тоска тихонько тлела.
О том, что не исполнится, тоска...

Парикмахерша

Она на цыпочки вставала,
Чтоб сверху тоже видеть всё.
И всё же росту было мало,
Как ни тянулась, у неё.
Она, стараясь, то и дело
Кусала кончик язычка.
И от волнения розовела
Румян не знавшая щека.
Боясь на робости попасться,
Звенела ножницами так,
Что кольца их слетали с пальцев.
Но это, в общем-то, пустяк.
А не пустяк — совсем другое:
Она творила — будь здоров! —
Своей девчоночьей рукою
Не хуже взрослых мастеров.
И очень шла ей, симпатичной,
Прическа: хвостик позади
С тугой резинкою аптечной
Да просто чёлка впереди.

Кармен

*И слёзы счастья душат грудь
Перед явлением Карменситы.*

А. Блок

Пешком или в машине ты — постой,
Страна Дали, Сервантеса и Сида.
Ты видишь — в тонких пальцах
Карменситы
Пакеты с молоком и колбасой?
Она идёт, по-южному быстра,
Смеясь и зубоскаля без причины,
И цепенеют встречные мужчины,
Оценивая линию бедра.
Ещё в глазищах прежняя жара
И не устанут в танце кастаньеты.
Но Кордове не нравятся пакеты,
С которыми, Кармен, по ней ты шла.
Гвадалквивир всё так же держит путь
На юг, куда тебя, Кармен, не пустят.
И если слёзы всё же душат грудь,
То это — слёзы жалости и грусти.

Училка

— Ду ю спик англиш?
— Ду ю спик англиш?
Этот вопрос задавать ей смешно.
Можно на полном серьёзе спросить лишь
Цену бюстгальтера или штанов.
Всё-то расскажет она и покажет.
И наизнанку вам вывернет всё.
Кроме души. Лишь она не в продаже,
Хоть и немало дают за неё.
Всё переменчиво — было да сплыло.
В школе детишек учила не зря:
На языке Конан Дойля, Шекспира
«Лейблы» читаются без словаря.
— К чёрту работу! — кричала по-русски.
И на английский не переведёшь,
Как над её крепдешиновой блузкой
Хитро ехидничала молодёжь.
А на «толкучке» пошло дело ходко:
Денег таких в школе быть не могло,
Дай только Бог, чтобы ты, барахолка,
Не превращала людей в барахло.
Скажите, счастье училке вчерашней,
Что обошла и суму, и тюрьму.
— Ду ю спик рашен?
— Ду ю спик рашен?
Но почему же я вас не пойму?

Ню

Таких, как ты, рисовал Ренуар —
Галантный такой и культурный.
Но я бы, наверное, приревновал,
Предложи он тебе стать натурой.
Я бы французу сказал: — Огюст,
Ты человек отважный,
Но эти бедра и этот бюст
Стоят всей Франции вашей.
Он бы, наверное, стал возражать
(Гений настырным был с детства),
Но не ему же, ей-Богу, решать,
Где россиянке раздеться.
Дома она раз по десять на дню
Разнагишается сдобно.
Вам и не снилось подобное «ню»,
Ибо оно бесподобно.
Стоит ли попусту вам рисковать?
Это же просто нелепость:
Вместо того, чтобы нарисовать,
От красоты ослепнуть.
Лучше рисуйте парижских мадам
Вешайте их в галерее.
Русскую женщину вам не отдам,
С нею мне как-то теплее.
Да я и сам-то, сказать по уму,
С этим стихом неуклюжим,
Может быть, кроме неё, никому
В целой России не нужен.

Одноклассница

Девчонкам другим на безмерную
зависть
С глазами такими —
Одна на весь класс.
И тени ресниц иногда мне
казались
Морщинками лёгкими около глаз.
Но годы промчались...
Седеют мальчишки.
Девчонки растят дочерей-озорниц,
А ты — всё такая же: даже
морщинки
Похожи на лёгкие тени ресниц.

Диалог

А. Т-ой

Давай поговорим.
Но помолчим сначала.
Подумаем про то, о чём сказать и как.
Давай поговорим. Но так, чтоб полегчало,—
Друг друга не коря в обидных пустяках.
Давай поговорим. Спокойно, без надсады.
О чём вздыхаешь ты, о чём вздыхаю я?
Давай поговорим. Печальны наши взгляды.
И понимаю я, что вся вина — моя.
Ну, вот, разобрались. И свет улыбок снова
Не сходит с наших губ, не покидает глаз.
Да что там говорить, сказали бы хоть слово —
Глядишь, и ничего не вышло бы у нас.

Под луной

Как ты легко одета —
Только в ночную тьму.
В тёплое это лето
Больше и ни к чему.
Тихо руки касаясь,
Шепчешь ты мне: — Молчи.
Светят Луне на зависть
Луны твои в ночи.
Нет без тебя, похоже,
Жизни, и потому
Переодеюсь тоже
В эту ночную тьму.
Ни свитера, ни платья
Нам не нужны сейчас,
Вот бы всю жизнь объятья
Так согревали нас.

«Почти»

Временами мороз по коже:
Бес не смотрит на седину.
Я своё отлюбил, похоже,
А на ваше не посягну.

И зачем я тебе, девчонка,
В этот вечер и по судьбе?
Может, я и хороший в чём-то,
Ну а в целом-то — так себе.

Да не слушай моих ты басен,
Лучше вирши мои прочти.
Я уже почти не опасен.
Ударение — на «почти».

* * *

Н.

Ни женой, ни любовницей
Не придёшь ты ко мне.
И, возможно, опомниться
Я сумел бы вполне.
На холодную голову
Поразмыслив сперва,
Всю, как есть, правду голую
Обрядил бы в слова.
Друг для друга, наверное,
Нас придумала жизнь.
Да немного во времени
Мы с тобой разошлись.
Я бы взял тебя в дочери,
По утрам бы будил.
Но твой муж, в свою очередь,
Был бы против, поди.
Скажешь, мысли случайные —
И не в склад, и не в лад?
Это я от отчаянья
Так шучу невпопад.
Над собою способен я
Сам смеяться до слёз.
Где про дочку — особенно.
Остальное — всерьёз.

Принцы

Смешно вам, но честное слово:
Девчонка серьёзно вполне
Ждала жениха не простого,
А принца на белом коне.
Монархи ли отпрысков прячут,
Дороги ли криво легли,
Но принцы никак не доскачут
До нашей российской земли.
И сколько их ждать, этих принцев?
Сомнителен этот процесс.
У принцев, наверное, принцип:
Скакать напрямиком до принцесс.
Да если присмотришься всё же
Получше к сынкам королей —
У многих ни кожи, ни рожи,
Не то что у наших парней.
И сколько бы вы ни ворчали,
Девчонки, к чему ваш каприз?
Царевич на сером волчаре
Прискачет скорее, чем принц.

Женщины

Чем старше ты, тем женщины красивей:
Улыбка, макияж, походка, стать...
Они влекут к себе с такою силой,
Что сил едва хватает устоять.

Закрыв глаза, сумел бы прошагать я,
На них не глядя, словно — хоть бы хны.
Но вдруг, споткнувшись, упаду в объятия
Я чьей-нибудь подруги иль жены?

Вот так и маюсь — что за наказание!
Аж прошибает горькая слеза.
Что лучше: жить с открытыми глазами
Иль закрывать хоть иногда глаза?..

Степная песня

Лунная дорога,
Лунные мосты.
Что у поворота
Тихо плачешь ты?
Ни подруги возле,
Ни вдали огня.
Натяну поводья,
Осажу коня.
И стрелы последней
Просит тетива:
Белые колени,
Чёрная трава.
Половецким ханом
Твой фиал разбит,
Далеко стихает
Гул его копыт.
Ой, вы, кони, кони!
Кто в степи поёт?
Кто кого догонит?
Кто кого убьёт?

Плач

Не плачь, подружка, обо мне
Ещё успеется — поплачешь.
Ещё в своём глубоком сне
Меня от этой жизни спрячешь.
Таким я буду от тоски,
Что ты от жалости растаешь.
Свои любовные силки
Ты на меня во сне расставишь.
И, может быть, и, может быть,
Я попадусь в них ненароком,
Но всё равно тебя любить
Я не смогу во сне глубоком.
О том, что ничего во сне,
У нас не вышло, пожалеешь.
Но и тогда не плачь по мне,
Ещё наплачешься — успеешь.
И лишь, когда в рассветный час
Проснёшься — вся в слезах подушка, —
Поплачь уж за обоих нас,
Моя печальная подружка.

Ложь

Начинали с откровения,
А в конце звучала ложь.
Те постыдные мгновения,
К сожаленью, не вернёшь.
А ведь можно было с правдою,
Не лукавствуя, дружить.
Без веселья, но с отвагою
Меж людьми другими жить.
Кто-то в лжи находит счастье,
Кто-то с истиной — все дни.
Как-то плохо совмещаются
В отношениях они.

* * *

Либо нету, либо есть.
И не больше, и не меньше.
Потеряла девка честь —
Ничего не переменишь.
Для него-то — баловство,
Кружит головы девчатам.
Но пошла бы за него,
Кабы не был он женатым.
Вот такие-то дела.
Не дела — сплошные слёзы.
Несерьёзною была,
Но любила-то серьёзно.
Эта новость на парней
Мысли смачные наводит.
...Что-то завтра будет с ней —
На семнадцатом-то годе!

Вальс

Знакомая картинка...
И вдруг — не узнаю:
Танцует вальс пластинка
Под музыку свою.
Недолго звуки танца
На круг нас будут звать.
Давайте ж не стесняться,
Давайте танцевать.
Никто меня сегодня
Не приглашал на вальс.
А я вас — вы свободны?
— Я приглашаю вас.
Впервые приглашаю
За много-много лет.
Такая жизнь большая,
А вальсу места нет.
Как часто нам казалось,
Что наш полёт высок,
Что в вальсе юность мчалась,
А это был вальсок.
Пластинка отзвучала,
Но музыка — жива!
Начать бы всё сначала,
Да кругом голова...

Айсберг и «Титаник»

Хорошо быть айсбергом: плыви
Где-нибудь в открытом океане.
Ни вражды тебе там, ни любви
В полном одиночества тумане.
И «Титаником» неплохо быть.
Чтоб кого-то сдуру не обидеть,
Никого не надо ни любить,
Ни — помилуй, Боже! — ненавидеть.
Багажа-то сколько — Боже мой! —
У отплывших в штормовые мили.
Но любовь и ненависть с собой
Пассажиры тоже прихватили.
Тёмной ночью, прямо, как в кино,
Айсберг и «Титаник» вновь столкнутся.
Все опять отправятся на дно.
Лишь любовь и ненависть спасутся.

* * *

Шерше ля фам —
Как в детстве маму
Из многих мам.
Не девочку, а просто — бабу,
Что по рукам...
Когда до одури погано
Весь день в душе, —
Вы вечером по ресторанам
Одну «шерше».
Кастратам в этом отношении
Совсем лафа.
А вам — одну из этих женщин,
Одну «ля фам»!
Она, не плача, не печалась,
Поможет вам.
И на заре шепнёт, прощаясь:
«Шерше ля фам...».

Общага

Эта Верка — такая оторва!
Надька — стерва, аж бросил жених.
Да и Любка не очень-то здорово
Отличается нравом от них.
Шебутные общажные девки,
Им способностей не занимать
От обиды заплакать по-детски
Или вспомнить в сердцах вашу мать.
Деревенские иль городские —
В окруженьи воров и ханыг —
Больше вас по общагам России,
Чем людей в государствах иных.
Что вам те государства, однако!
Тут своё бы понять до конца:
У него ведь, что Любка, что Надька —
Нет ни имени им, ни лица.
И живут они в сплетнях да слухах:
Мол, без удержу хлещут вино,
Обольщают юнцов лопоухих.
Правда, нет ли — без разницы, но:
Сколько ты ни гляди им под юбки,
Сколько спяну о них ни злословь —
Нет ни Верки, ни Надьки, ни Любки!
Есть лишь Вера, Надежда, Любовь!

Кайф

Взяв сигарету в мятой пачке,
Не комплексуя, что в гостях,
Она, манерно выгнув пальчик,
Курила с жадностью, взятяг.

И водку запросто хлестала
Под колбасу и винегрет.
Потом ей, правда, плохо стало
От водки и от сигарет.

Часок спустя ей полегчало.
Послали в магазин гонца.
И начала она сначала,
Теперь — до самого конца.

В науку пьяного азарта
Вникай, девчоночка, вникай.
Ещё б тебе не в школу завтра —
Вот это был бы полный кайф!

Однажды

У мальцов глаза блестят
От рискованной забавы:
Камни весело летят
В проходящие составы.
Что ни бросил — то верняк:
Камень точно в цель ложится.
Не жалели товарняк,
Но жалели пассажирский.
Вроде, ясно без врача:
Не ублюдки, не дебилы,
Но с упорством дурачья
По дощатым стенкам били.
И однажды, как всегда,
Вышли к рельсам по привычке.
Пропустили поезда,
Врезали — по электричке.
Бритвы стёкол, бабий вой.
Чирк — и девочке довольно.
Вот осталась бы живой,
Рассказала бы, как больно.

На станции

*Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...*

А. Блок

Пустой перрон приволжской станции.
Вороны на ветвях галдят.
И лишь две местные красавицы
На поезд с завистью глядят.
Им по пятнадцати, наверное.
Но сгоряча и больше дашь:
Так яркок лейбл одежды фирменной,
Так безупречен макияж.
Куда ж ещё пойти здесь можно им?
Уж не в районный ли ДК,
Где меж сеансами киношными
Бессмертны скука и тоска?
В родной глуши им всё не по сердцу,
И всё не по душе им тут.
Но под состав они не бросятся
И женихов не заведут.
Пуškai отцы от злости морщатся
И матери поднимут вой,
Но ведь сбегут (хотя б в уборщицы)
В ближайший город областной.
Там кабаки, там диски «стерео»,
Там доллары, а не рубли.
И быть соплюхам этим стервами
Из группы риска без любви!
Ах, как хотелось ошибиться бы!
Но бьются с лязгом буфера,
И напрягают парни бицепсы,
Подруг впуская в тамбура.

Кошка

Девочке купила в электричке
Кошку синтетическую мать.
Выбрала не просто по привычке
Что-то в электричках покупать.

— Ты же у меня просила кошку, —
Молвила наигранно чуть-чуть.
— Вот тебе и кошка... понарошку,
А про настоящую забудь.

Лучше оба мы о ней забудем.
Представляешь: завели уже.
Где её выгуливать мы будем —
На девятом нашем этаже?

Девочка была и этой рада:
Лапки, хвостик, усики торчком.
Пусть игрушка, всё-таки отрада,
Хоть и с иностранным ярлыком.

Прислонила девочка к окошку
Кошку и щекой прильнула к ней.
Спит малышка и, наверно, кошку
Видит настоящую во сне.

Малыш

Шлёпнули по попке — закричал.
Новый человечек родился.
Ничего пока не различал.
Ни на что пока что не годился.
Но, тугой коричневый сосок
Розовыми дёснами терзая,
Получал способный сосунок
Просто исключительные знания:
Что глотки грудного молока
Лучше, чем питание из пачки,
Что не шлёпнет мамкина рука,
Хоть ты все пеленки перепачкал.
Эх, малыш, потом не только мать
На шлепках натренирует руки.
Только успевай оборонять
То, что прикрывают сзади брюки.
Успевай, но помни, что должны
Мы на что-то путное годиться.
И тогда шлепки не так страшны.
И тогда — не жалко ягодицы!

Внуки

Внук получился замечательный.
Он быстро вырос и теперь
Сам достаёт до выключателей,
Звонит, а не стучится в дверь.
И внучка вышла удивительной:
Красива — хоть снимай в кино,
Учёбой радует родителей
И деда с бабкой заодно.
Сиять бы дедушке и бабушке:
Они свой выполнили долг.
Да за внучат у них пока ещё
В душе — тревожный холодок.
Какая жизнь им уготована?
Где к счастью верные пути?
А мерзость жизненная — вот она,
Лишь на обочину ступи...
Ох, неспроста вы озабочены,
Хотя и поняли в свой срок:
Какими б ни были обочины —
Они идут лишь вдоль дорог.

Продолжение

Девочка, мальчик. Девочка, мальчик —
Доченьки и сыновья.
Кто там ещё между вами маячит? —
Это, наверное, я.
С фронта мой будущий папа вернулся.
А через несколько лет
В маме однажды я шевельнулся,
Чтобы явиться на свет.
Сёстры и братья, сёстры и братья,
Жить бы вам да не тужить.
Знать, потому и не стал умирать я,
Что кто-то должен был жить.
Девочка, мальчик. Девочка, мальчик.
Вы — продолжение семьи.
Кто там ещё между вами маячит? —
Дети и внуки мои.

Библиотекарь

Стеллажи с потёртыми томами,
Солнечного света полоса...
Вижу между полками, как в раме,
Голубые грустные глаза.
Девушка, с тургеневскою схожа:
Милая улыбка, робкий взгляд...
Было в жизни у неё, возможно,
Всё не так, как в книгах говорят.
Здесь, у книг, душою отогрелась —
Старому и малому нужна.
Библиографическая редкость
И сама-то, кажется, она.
Ставлю, что прочитано, на место,
Выбираю книгу не спеша.
Хороша ли книга — неизвестно,
Но библиотекарь — хороша!

На день рождения А. С. Пушкина

Александр Сергеич, вы так знамениты,
Словно не было этих веков.
От рожденья и смерти, хулы и молитвы
Вы уже далеко-далеко.
Живописцы, ваятели ждали момента,
Чтобы Вами прославиться, но —
Вы сбегали с полотен и постаментов.
И — к друзьям, где стихи и вино.
И — на бал, где мазурка гремит озорная,
Где спасения нет от повес.
И — на Чёрную речку, где (Вы это знали)
Целить мимо не станет Дантес.
Выстрел тот отзывается болью сердечной,
Не стихая ничуть, и сейчас.
С днём рождения Вас, Александр Сергеич,
С продолженьем бессмертия Вас!

Михайловское

В Михайловском осенний мелкий дождь
Рассыпался по зонтикам приезжих.
Идёшь тропинкой парковой и ждёшь:
Вдруг что необычайное забрезжит?

Не сразу осознание пришло:
Какое бы ненастье ни случилось,
Михайловское — Пушкина село,
И в этом — вся его необычайность.

Пустое слово не сорвётся с губ,
Оно ведь не заменит откровений.
А Гейченко на откровенья скуп —
Всё до него сказал, наверное, гений.

Семён Михалыч, шли мы через дождь
И этой встрече с вами очень рады.
В двадцатом веке где ещё найдёшь
Подвижника из пушкинской плеяды?

В Санкт-Петербург

В. Шемшученко

В питерских подворотнях
Ветер свистит с Невы.
Я бы пожить не против
Там, где живёте вы,
Питерские поэты —
Невские бунтари,
В городе, где воспеты
Нищие и цари.
Я бы прошёлся Невским
К всаднику Фальконе.
И ничего, что не с кем,
Мне одному — вполне.
Но хорошо бы где-то
Вдруг да в лицо узнать
Питерского поэта,
Было бы что сказать.
Мы бы к Фонтанке вышли,
Поговорили там,
Что у кого-то вирши —
Всё-таки не фонтан.
Но у других-то лучше:
Так пробирает стих,
Словно, пронзая души,
Ветер с Невы свистит.

Полные злой тревоги,
Боли за кровь страны,
Эти стихи на Волге
Мне хорошо слышны.
Да и у нас поэты —
Волжские соловьи —
Тоже не на куплеты
Тратят слова свои.
Вместе-то как засвищем,
Как зазвучит наш хор —
Эхо стихов услышим
Из-за Уральских гор.
Да и не важно это —
С Волги или Невы.
Главное — есть поэты
Не у одной Москвы.
«Видно, готов к дороге», —
Сам я себе сказал.
И, словно сами, ноги
Вынесли на вокзал.
Вот я и перед кассой,
Деньги достал из брюк.
— Девушка, мне — плацкартный:
«Сызрань — Санкт-Петербург».

1993 г.

А. П.

В Ялте море на отливе ворчит,
Будто воду из него кто вычерпывает.
Пишет, пишет человек у свечи.
Потом — вычёркивает.
Видно, снова доктор Чехов А. П.
Превращает фразы в междометия,
Заодно выписывая себе
Рецепт бессмертия.

Ценители

Поэзия похожа на балет:
Ценителей — раз-два да и обчёлся.
Не выйти, балерина и поэт,
Вам на аншлаги певческого «чёса».
На сцене — грациозны и легки —
Под музыку порхают балерины.
Эх, к музыке бы этой — да стихи!
Увы, законы муз неоспоримы.
То восторгался зал, то затихал.
Когда поэт стихи читал со сцены.
Эх, музыку бы к этим-то стихам! —
Такие песни были бы бесценны.
Народ, однако, слушает попсу —
И во дворце, и в самой крайней хате.
Не каждый ест простую колбасу,
Но устриц всё равно на всех не хватит.

К природе творчества

Возьмите небесную твердь
И красной гуашью
Попробуйте сделать рассвет
Вчерашнего краше.
Возьмите у птиц голоса,
Попробуйте — песню.
Потом отпустите в леса,
Луга, поднебесье.
Ни песни у вас, ни зари
Не выйдет сначала.
Но пробуйте, чёрт побери,
Чтоб вдруг — зазвучало!
Пусть голос окрепнет совсем,
Кисть хрустнет в ладонях —
Уже гениальны вы тем,
Что нет вам подобных!
Соперникам не обойтись
Без вечной опаски,
Что голос ваш — в пении птиц,
В заре — ваши краски.

* * *

«Я в жизнь пришёл, чтоб удивляться», —
Воскликнул искренне поэт.
И нету в этом верхоглядства.
Но глубины-то — тоже нет.
За чудом в очередь давиться —
Лишь время попусту терять.
И, если будем лишь дивиться,
То кто же будет удивлять?
Марионетками вертепа
Так проживём — неровен час.
Затем ли выбрала Евтерпа
Из миллионов прочих — нас?

Писатели

Чайком бы обойтись писателям,
Но двое-трое — начеку:
Они в порядке обязательном
Спроворят что-нибудь к чайку.
За тем, что пьётся под огурчики,
Пошлют гонца в знакомый путь.
Уж если ручки держат рученьки,
То стопари-то — как-нибудь.
Про тиражи да про историю
Судачить будем дотемна,
Да про державу, за которую
Ещё обидней стало нам.
Наговориться, напечалиться
От сердца прозой и стихом...
Но всё когда-нибудь кончается
На продолжении другом.
Закроем в самом долгом ящике
Кино, вино и домино.
Несуетливым настоящее
Быть у писателя должно.

Брод

Александр Карякину

«Санёк, не зная броду, —
Внушали пацану, —
Не суйся сдуру в воду,
А то пойдёшь ко дну».
Пацан не подчинился —
На глубину полез.
Но плавать научился,
А не утоп малец.
С тех пор сибирским рекам
И Волге заодно
Своим стал человеком,
Не канувший на дно.
И, если нету броду,
Но человек идёт —
Сибирскую породу
Он этим выдаёт.
Не позабыв о броде,
Усвоил он одно:
Не глубь, а мелководье
Ведёт, скорей, на дно.
Вот так и со стихами:
Не уходя ко дну,
Переведи дыханье
И вновь — на глубину!

Эдуарду Анашкину

«Запрягу судьбу я в санки...» —
Написал — и все дела.
А судьба на случай всякий
В них тебя же запрягла.
От детдомовской, брат, каши
Ты не очень-то и дюж,
Но справляешься с поклажей,
Коли взялся уж за гуж.
От опасных поворотов
Оградить нельзя судьбу.
Но видал ты всех, кто против,
В белых тапочках в гробу.

Стихи

Стихотворение — как вдох.
Стихотворение — как выдох.
Вне всяких взглядов и эпох
Во всех затейливых их видах.
Стихи обманчиво легки,
Но неотвязны, как заноза.
Всё остальное — не стихи,
А зарифмованная проза.

Притяжение

Виктору Трошину

Каждый сам выбирает дорогу —
Как ботинки, рубашку, штаны,
В коих молится Господу Богу
Или тянется до сатаны.
Хочешь света, добра и свободы,
Рвёшься вверх от зари до зари —
Тянет вниз по закону природы:
Гравитация, чёрт побери!
То вершина, то пропасть. И где бы
Мы с тобой оказаться могли,
Если б не притяжение Неба —
Посильней притяженья
Земли?..

Друзья

Среди повседневной брехни
Вдруг истина сердце пометит,
Что больше друзей схоронил,
Чем их остаётся на свете.
Конечно, на них мне везло.
Надеюсь, им тоже — конечно.
Мы даже бранились не зло,
А как-то наивно и нежно.
Не спорю, попили мы власть,
Но нас собирала по кругу
Не просто известная страсть —
Мы в рифму звучали друг другу.
И нас, хоть мы все не ахти
В затейливом чтецком искусстве,
Пьянили не меньше стихи,
Чем водка — почти без закуски.
Как скручены вы, день и ночь!
Как всё перепутано в жизни!
Весёлым застольем начнёшь —
Очнёшься на горестной тризне.
И было не время стихам,
Когда упокойная треба
Венчала гранёный стакан
Куском поминального хлеба.
И только когда-то, поздней,
Тебя примиряя со смертью,
Стихами ушедших друзей
Вдруг истина сердце пометит.

* * *

С такими людьми нелегко,
Которые неба не слышат.
Они не читают стихов,
Тем более, в рифму не пишут.
Их речи — из рубленных фраз,
Где голые цифры, проценты.
И даже военный приказ
Для них сладкозвучней сонета.
Они — никому не назло —
Друзей и врагов не жалеют.
...С такими людьми тяжело.
С другими — ещё тяжелее,
Которые пишут стихи
И «большого» в жизни не могут,
Которые лезут с тоски
То в петлю тугую, то в омут.
Здесь — физик до времени сник,
Там в лирике — рана сквозная,
И кто был счастливей из них,
Никто, слава Богу, не знает.

Отчества

У поэтов отчества не в моде.
Имени с фамилией вполне
Им хватает:
Для хулы в народе
Иль для доброй славы — наравне.
Одному — позор,
Другому — почестъ.
Грудь в крестах иль голова в кустах.
Кто есть кто — не называя отчеств —
Различит Отечество и так.
Разберётся рано или поздно,
Где стихи, где — просто болтовня.
И кому-то, перейдя на прозу,
Всыплет по-отечески ремня.

Колокола

*Памяти поэта
Анатолия Ульянова*

И «Стрижи» ослепительным летом,
И дожди, чтобы «Рожь зацвела»,
И бессонница «Перед рассветом»,
И «Осенние колокола»...
Всё в стихах, как и было, осталось.
Каждый в книгах находит своё
У тебя, не хотевшего в старость
Так,
Что впрямь не дожил до неё.
В этих сборниках, друг закадычный,
Всё — как надо. И всё-таки я
В их названиях раскрою кавычки,
Чтобы только уже для тебя
И стрижи на рассвете летели,
И за ливнями рожь зацвела.
И звенели, звенели, звенели
Поминальные колокола.

Певица

Лили Ивановой

Худые, остренькие плечики.
Исповедальные глаза.
И — в «Море молодости» плещется
Материка притихший зал.
И к старым юность возвращается,
И юным в старость — дольше путь.
И никому не воспрещается
В рядах тихонечко всплакнуть.
И, песней собственной пронзённая,
Она сама блеснёт слезой.
...А губы — не от слёз солёные.
То — моря Молодости соль.

Пейзаж

С. III-ну

Порой нет времени, поверьте,
Сходить в музей, на вернисаж.
Зато в рабочем кабинете
Прижился у меня пейзаж.
Писал его художник местный
С фамилией весьма известной
У живописцев прошлых лет.
Хотя родства прямого нет
У шедшего в «Лесные дали»
С творцом пейзажа моего,
Но вы бы тоже угадали,
Что между ними есть родство.
В неброской раме из багета
Видны деревья и кусты.
Наверно, это — «бабье лето»,
Поскольку все они желты.
По тихой заводи лениво
Плывёт опавшая листва,
И тонет в синеве залива
Небес осенних синева.
Смотрю едва ль не ежедневно
На этот ласковый пейзаж...
И всё же надо бы, наверно,
Сходить в музей, на вернисаж.

Путь

В Сибирь улетел мой товарищ...

Вячеслав Харитонов

В Сибирь улетел твой товарищ...
И ты отправляешься в путь,
По синему небу едва лишь
Успел самолёт промелькнуть.
Твой путь то проляжет к озёрам —
С рыбалкой, ухой у костра,
То ляжет он Раменским бором,
Где, кстати, грибная пора.
Лечу я, и за Енисеем
Легко представляется мне,
Как бродишь ты лесом осенним,
Ведёшь судака на блесне.
Кому-то покажется сказкой
Рассказ о сибирских местах.
Но всё-таки омуль байкальский
Не хуже, чем волжский судак.
И люди там — тоже не волки.
Слечай — и увидишь всё сам.
А я порыбачу на Волге,
Пройдусь по приволжским лесам.
Но где бы мы ни колесили
В былые и эти года —
Чем дальше, тем ближе к России,
О чём и мечталось всегда.

Ностальгия

Давненько не был я в Сибири,
Где Ангара, Иркутск, Байкал.
Небось, меня там все забыли.
Но я-то их не забывал.
С судьбою бесполезно спорить.
Однажды всё-таки пойму:
Всем одного труднее помнить,
Чем всех — кому-то одному.
Ещё приеду, как ни занят,
На свет иркутского огня.
И кто-нибудь ещё узнает
На людных улицах меня.
У географии другие
Определения в ходу.
Но разрывает ностальгия
И широту, и долготу.
До самой Ангары дорога
Видна от жигулёвских скал.
А Волга, пусть и ненадолго,
Впадает в озеро Байкал.

Ангара

Пресвятая мать Ангара,
Сколько лет к тебе я припадаю!
Иногда надолго пропадаю,
Но зато всё помню, как вчера.
И, когда тоска накатит вдруг,
Чтобы время не терять в дороге,
Я во сне ныряю в Ангару,
Наяву — вынырываю в Волге.

До зари

Осенних сумерек набросок —
Как бы в простом карандаше.
Лишь горизонт — полоской — розов.
Да вот и он погас уже.
И постепенно, постепенно
Заполонила город мгла —
Прильнула к площадям и стенам,
На травку в скверах прилегла.
И нас ведут в потёмках этих
Лишь окон свет да фонари,
Что не погаснут на проспектах
До самой утренней зари.
Да поезд, что на повороте,
Бросая блики на лицо,
Так медленно проходит, вроде,
Вагоны собраны в кольцо.

Ураган

Дунул грозно юго-западный ветр.
Закачались деревья — что трава.
Вскрылись кровли на домах, как конверт,
Что поспешно загнули едва.
Стало страшно и друзьям, и врагам.
В полуслове осеклась болтовня.
И глумился над людьми ураган,
Мудрецов и дураков уравнивая.
Людям ужас не поставишь в вину.
Богу внявшие крестились быстрей.
И бежали — кто куда, как в войну
Под шрапнелью боевых батарей.
Но внезапно, словно скрученный в жгут,
Усмирился ураган, поутих.
Снова улицами люди идут,
Страх на лицах пропадает у них.
Плачет бабка, потерявшая кров:
Ни одёжки, ни белья, ни харча.
На асфальте запеклась чья-то кровь.
Никому и знать не хочется — чья.

Закат

Не за деньги картина — за так.
Да такая, что глаз не отвести.
А казалось бы, просто закат —
Наступающих сумерек весть.
А казалось бы, тысячи раз
Видел это в вечерней тиши.
Да, видать, пропускал мимо глаз,
Мимо сердца и мимо души.
Да, видать, откровения миг,
Как ни тщишь, не назначишь ты сам.
Открывает природа свой лик
По своим, суверенным, часам.
Открывает и — что там закат!..
Пред тобою — весь мир в этот час.
Но бывает пронзительно так,
Может, в жизни единственный раз.
Но бывает: в закатной дали
Видишь, глядя на солнечный след,
Как на той половине Земли
После ночи приходит рассвет...

* * *

Никогда я не был на Босфоре.

С. Есенин

Никогда я не был на Босфоре.
И на Дарданеллах не бывал.
Стало быть, из Мраморного моря
Жирного тунца не добывал.
Был зато на Белом и на Черном.
Тоже ничего себе моря...
Не однажды семибалльным штормом
Крепко брали за душу меня.
И, когда в приливах соловецких
Я ловил зубастую треску,
Чувствовал — совсем не по-советски
— По морям ненашенским тоску.
Что за радость в странствии заочном!
В карту не вмещается Земля...
Хочется — ну хоть одним глазочком —
Глянуть на «заморские» моря.
Хочется вселенского простора,
Чтобы ветер в парусе звенел.
Хочется хотя бы до Босфора,
Если уж нельзя до Дарданелл.

Деревья

Хотя обочины скудны,
Деревьям есть за что цепляться.
Но тщетно ввысь вознесены
Ветвей обрубленные пальцы.
Ах, как дурашливо листва
Ещё вчера ловила ветер!
Как окунали деревья
В синь зеленеющие ветви!
Теперь — откуда ни взгляни! —
Не разглядеть живого места:
Уродливые пятерни,
Протянутые в знак протеста...

Малые реки

Сызранка с Крымзой слились, а потом —
Путь им недолгий:
Вешней водою пройти под мостом
К матушке-Волге.
Встретила воду большая река
Плеском уклеики.
И возвратились в свои берега
Малые реки.
В здешних местах у погоды всегда
Нрав был капризный.
Но не иссякнет и летом вода
В Сызранке с Крымзой.
Сколько ни выпьет из них летний зной,
Хоть понемногу
Будут поить родниковой водой
Матушку-Волгу.
В правобережья великой реки —
С нею навеки.
Знать, вместе с Волгой и вы велики,
Малые реки!
И остаются в душе навсегда
Строки простые:
Это — не просто живая вода,
Это — Россия!

* * *

Вот она — Волга в тумане,
Где, выбиваясь из сил,
Связку плотов на кукане
Тянет усталый буксир.
Брошена к берегу чалка,
Ржаво скрипит шестерня.
«Птичку» поставила чайка
В небе рабочего дня.

На Ветлуге

Боже мой, как там птицы кричали!
И летели потерянно прочь...
Это я от любви и печали
Плакал их голосами всю ночь.
Это я так раскидывал руки,
Что казалось: вот-вот воспарю
Над пустынным простором Ветлуги,
Чтобы встретить пораньше зарю.
И, вернувшись, увидели птицы
Из предутреннего тальника,
Как я в птицу хотел превратиться
И не мог превратиться никак.
Было это природы проклятьем
Иль её проявлением любви?
Но не смог я в ту ночь стать крылатым.
Что ж, опять поживу меж людьми.
Но однажды крылами взмахну я.
Ты, природа, тогда не перечь.
Даже если потом не миную
Дробь охотничью
Или — картечь.

Дворник

Тихий уютный наш дворик
Осень забила листвою.
Выйдет с метёлкою дворник
И возвратится домой.
Он мужичок тороватый,
Ловок и на руку скор.
Любит размяться с лопатой,
Надо — возьмёт и топор.
Нынче же не суетится
Он по причине простой:
Платит червонцами листьев
Осень ему за простой.
Даже дворовые тётки
(В пору другую — гроза)
Поняли дворника всё-таки,
Хоть ничего не сказал...

Гроза

Ночной грозе в июньской темени
Со зрителями не везёт:
По этому глухому времени
Спит в большинстве своём народ.
Не разбудить его ни молнии,
Ни громыханию небес.
Не то бы многие запомнили,
Какой гроза была окрест.
Но всё же в ночь такую кто-нибудь,
Да обязательно не спит.
За молнией, летящей по небу,
Во все глаза свои следит.
Его бы многие не поняли:
Он радуется без затей,
Что не пугают громы-молнии
Ни женщин слабых, ни детей.
Пусть спят они во сне целительном
Не слышат, как грохочет гром,
Грозу в июне этим зрителям
Покажут как-нибудь и днём.

* * *

Влипли следы подошв
В плавящийся асфальт.
Хлынь в это пекло дождь —
Городу был бы фарт.
Ан далеко пока,
В западной стороне,
Тёмные облака
В молниевом огне.
Там хорошо, поди —
Выпал народу фарт:
Льют без конца дожди
И не размяк асфальт.
Только наверняка
Там не один клянёт
Тёмные облака,
Дождь из которых льёт.
Но перестань им дождь
Улицы заливать —
Влипнут следы подошв
В плавящийся асфальт.

* * *

Ласточки низко летают.
Это, наверно, к дождю.
Деньги стремительно тают,
Новых уже и не жду.
Бог с нею, бедностью этой!
Не попадать же в тюрьму.
Платят не звонкой монетой
В мире не мне одному.
Переживём, не дворяне
И не совсем дураки.
Снова в дырявом кармане
Будут звенеть медяки.
Верится в глупое счастье
И потому, что опять
Ласточки после ненастья
Начали в небе летать.

Просека

Просека не просека.
Лес такой чудной.
И зачем ты просишься
Погулять со мной?
В буреломах серых
Столько всяких бед!
Холодно, наверное,
В платишке тебе?
В стареньком уборе
Осень так грустна,
А у нас с тобою —
Первая весна.
Шли мы за цветами
По лесной тропе.
Ты теперь не мамина,
Ты моя теперь.

Ромашки

Чем больше в городе приелись
Пион, гортензия, левкой,
Тем удивительнее прелесть
Простой ромашки луговой.
Не потому ль ещё рисуем
На тканях ситцевых вразброс,
Что позабыть мы их рискуем
Среди благоуханных роз?
И светлым днём, и ночью чёрной
На белых лепестках своих
Они гадают обречённо
О вечном — любим ли мы их?

Светлячки

Звезда ль за собою поманит,
Земной ли пригрезится рай —
И то, и другое обманет,
Хоть сколько ты их выбирай.
Простым светлячком на поляне,
Упав, обернётся звезда.
И рая земного, земляне,
Не встретите вы никогда.
Лишь там, где травинки погуще
От свежести близкой реки,
Найдут свои райские кущи
В ночной темноте светлячки.

Костёр

Уж который час по лесу шпарим.
Вдруг — река. И прямо на песке —
Небольшой костёр: девчонка с парнем —
От людей досужих вдалеке.
В их глазах мелькнуло удивленье:
Дескать, это что за лешаки
Помешали их уединенью
В этой глухомани у реки?
Оказалось, нет, не в глухомани:
До села — совсем рукой подать.
Видно, настоящий леший с нами
Пошутил, заставив поплутать.
Но теперь-то мимо не проскочим —
Наконец-то выйдем на простор.
Мы уходим. Розовым платочком
Машет на прощание костёр.

Под парусом

Ветрено! Ветрено! Ветрено!
Волны лютуют в реке.
Там — треугольным конвертом —
Парус летит вдалеке.
Почта июньского полдня,
Как, отдалясь от земли,
Ты широко и свободно
Пересекаешь залив!
Мачта всё выше и выше,
И на высокой волне
Я всё отчетливей вижу
Мчащиеся не ко мне —
Проштемпелёванный парус,
Красный спасательный круг,
Ту, чья коса растрепалась
На сумасшедшем ветру.

Пчела

Чудно гудит пчела
В цветке, меж лепестками.
Расцвёл он лишь вчера
И глуп ещё покамест.
В его глазах восторг:
Грустить?
Чего, мол, ради?
Блаженствует цветок —
В кладбищенской ограде.

Излучина

Течением закручена,
Бегучая вода
Бьёт по тебе, излучина,
Сегодня и всегда.
Под скалами отвесными
Такая глубина —
Нырляльщики окрестные
Не доставали дна.
Зато здесь место лучшее
Для ловли у реки:
Лещами на излучине
Довольны рыбаки.
Да просто здесь окажешься —
Такую благодать
Не сразу и отважишься
Словами передать.
Как лихо ни закручена
Житейская вода —
Не разлучишь, излучина,
Уже нас никогда!

Кукушка

В тишине размеренно и скучно,
Не суля ни радостей, ни бед,
Отсчитала нынче мне кукушка
На житьё-бытьё двенадцать лет.
Почему не меньше и не больше?
Может, правда, столько по судьбе?
И ведь что обидно — не поспоришь
И не накукуешь сам себе.
Но зато махнёшь в глухие дали,
Подождёшь кукушку в тишине:
Вдруг лесная больше нагадает,
Чем в часах, стучащих на стене?

* * *

Чего-то до полного счастья
Всегда не хватает чуть-чуть.
И рвёмся мы глупо на части,
Пытаясь судьбу обмануть.
Бог знает, на что мы горазды
В стремлении напрасном своём.
Но счастливы мы и прекрасны,
Хоть этого не сознаём.

Тучи

Отяжелевшими тряпками туч
С вечера небо отмою,
Чтоб на заре каждый солнечный луч
Не разминулся со мною.
Если лучи прикоснутся ко мне,
То и других не обидят:
Все после тьмы в наступающем дне
Новое солнце увидят.
Знать, я не зря тряпки туч отжимал:
Это ведь что-нибудь значит,
Если весь день безо всяких зеркал
Прыгает солнечный зайчик.

ТЫКВЫ

Уже ежедневные втыки
Устал получать от жены:
Давно, мол, поспевшие тыквы
Под крышей храниться должны.
Не лень же ей было их сдуру
Без счёта сажать по весне.
Теперь бахчевую культуру
Таскать причитается мне.
Таскаю в мешке эти тыквы.
Тяжёлые, но потерплю.
И дело совсем не во втыке —
Я с тыквою кашу люблю.
Готовится каша из пшёнки,
А чтобы упрела она,
Отжившей свой век одежкой
Накроет кастрюльку жена.
...Все тыквы убрал незаметно.
Но пусть остаётся одна:
Вдруг Золушке будет карета
По осени этой нужна?

Благодать

Не обмануло бабье лето:
Вернуло прежнее тепло.
И хочется, чтоб время это
Как можно позже истекло.

Зонты и куртки в гардеробе
До срока могут подождать.
Такая благодать в природе,
Что и на сердце благодать.

И всё же осени приметы
Нам открываются во всём.
Аукнешь только бабье лето —
Оно откликнется дождём.

Просто...

Если ты стоишь подолгу
на одном и том же месте,
То к тебе всенепременно
кто-нибудь
да подойдёт.
Может статься, это будет человек,
тебе известный,
Или попросту прохожий,
или местный идиот.
Но любой их них, возможно,
у тебя спросить захочет,
Почему стоишь так долго,
почему движения нет?
И любой из них, возможно,
над ответом захохочет,
Потому как слишком странным
им покажется ответ.
Ведь не каждый, в самом деле,
с пары фраз понять сумеет,
Почему ты долго смотришь
на летящую листву,
На беседующих мирно
завсегдатаев скамеек
И на белку, что спустилась
по сосновому стволу.
Потому что просто осень
у тебя и у природы.
Потому-то ты и замер
возле солнечной сосны,
Что, в отличьи от природы,
накопившиеся годы
Прибережь тебе не могут
возвращения весны.

Муранский бор

В. Кожемякину

Муранский бор, тропинка узкая,
Берёз и сосен хоровод
Июньским днём в тебе аукнутся
И отзываются весь год.
Забудешь разве лучезарные
Рассветы над Усой-рекой,
Когда и сам ты словно заново
Рождаешься в тиши глухой?
И километров околесица
Как будто вовсе и не в счёт,
Когда тебе под вечер встретится
Коричневый боровичок.
И чай с душицею пахучею,
И плеск уклейки на волне —
Не самое, конечно, лучшее,
Что жизнь дала тебе и мне.
Но вот уедем к морю Чёрному
Иль на хребты Уральских гор,
И всё вздыхаем там о чём-то мы.
Не о тебе ль, Муранский бор?

Родник

Через линзу родника
Кажутся крупней
В донном золоте песка
Крапинки камней.
А ещё — поля, река
Отчей стороны
Через линзу родника
Далеко видны.

Заветное

Бабье лето, ясна осень...
Поутишилось громам.
Захожу незванным гостем
В сентябрёвы терема.
Тихий шёпот листопада
На заветном языке...
Что-то женское, и правда,
В этой ласковой тоске.
Ты уйдёшь, но будет листья
Осень медленно кружить,
Будет петь печально птица,
Без которой не прожить.

Радуга

Вот восходит радуга простая —
Семь неосязаемых полос.
Полчаса и — без следа растает,
А в душе такое началось!
Что в нём, этом спектре бестелесном?
Не прекрасны ль волжские места?
Да пройди хоть лугом или лесом —
И померкнут радуги цвета.
Но стоишь, забыв про всё на свете,
Глядя на неё во все глаза.
Да ещё и тех, кто не заметил,
Позовёшь смотреть на небеса.
Что за сила от неё исходит?
Всей-то тайны — солнце и вода.
Только верю: не умру сегодня
Не умру уж больше никогда.

За сободем

Не раз стремительным зигзагом
От лаек собошь ускользал.
Но вот, на лиственницу загнан,
Он смотрит вниз во все глаза.
И не поймёт никак зверюга,
Что высота ружью — пустяк.
Что бьёт в плечо приклад упруго
Не просто так. Не просто так.
Ещё секунда — выстрел грянет,
В осколки тишину дробя.
А человек всё тянет...
Тянет...
Как будто целится в себя.

По следу

От Коокты к Буоринте —
Ель, берёза да сосна.
Белка цокнет, птица крикнет.
Остальное — тишина.
Только — чу! — доносит ветер
Звонких лаек голоса.
Видно, соболь скрыться метил,
Да следы поразбросал.
Что там сосны, что там ели!
Чешет соболь прямиком.
Ну, смотри, догоним если —
Быть тебе воротником!
Тяжело в сугробах лайке.
Не прошло и полчаса —
Возвращаются собаки:
Виноватые глаза.
Мой напарник от такого
Неудачного конца
Говорит любое слово
Не без крепкого словца.
У меня же взгляд особый:
На охоте новичок,
Я и рад, что скрылся соболь.
Но об этом — тс-с... Молчок!

* * *

Брошусь ничком в молодую траву,
Словно лишь в этом — спасенье от мысли:
Так ли живу я, так ли живу,
Да и живу ли — в полном-то смысле?
Вроде, не более прочих грешил.
Вроде, ни вором не стал, ни убийцей.
Но нестерпимо: так ли я жил?
Мысль не даёт ни минуты забыться.
Может, как травка вот эта, расту,
Что в свою пору завянет и сохнет,
Сгинет под вьюгу ноябрьскую тут
И никогда не вернётся под солнце?
Что-то ответить никак не могу.
Только продрог почему-то донельзя.
Голову поднял — лежу на снегу,
А ведь бросался в юную зелень.

* * *

Так бело, ну — так бело
Все под первыми снегами!
Снегом душу замело
Или белыми стихами?
Не рифмуются никак
Губы жёсткие с устами,
Не рифмуется река
Со своими берегами.
Так бело, ну — так бело!
Словно мама не качала,
Словно жизни-то начало
С этой снежностью пришло.
Ждут как будто впереди
Буквари и двоек рати,
Кляксы в тоненькой тетради —
Хоть домой не приходи.
Детства, юности пора...
Годы, дорогие лица...
Словно снова повторится
Всё — до этого утра.
До путей, что замело,
До сугробов, что в кюветах,
До тишайших слов вот этих:
Так бело, ну — так бело...

* * *

Эх, да шляпу — оземь!
Видеть не могу,
Как уходят в осень
Травы на лугу.
Зелены понизу
Поверху желты.
А над ними никнут
Поздние цветы.
И тоска такая
Подступила — ой-й!
Ни конца, ни края
Той тоске лихой.
Словно сам травой
Ухожу под снег.
Одолев неволю,
Встану ль по весне?..

По ночной трассе

Ю. Байкову

Ночью на трассе «Челябинск-Москва»
Нас ослепляют встречные фары.
Долог до Сызрани путь от Самары,
Медленно если — целей голова.
Вон, по обочинам в лунной ночи
Время от времени в призрачном свете
Видно, как замерли в гиблом кювете
Перевернувшиеся лихачи.
Давит шофёр наш пореже на газ
И, не скрывая растущей тревоги,
От заматаемой снегом дороги
Не отрывает прищуренных глаз.
Скоро мы с трассы на Сызрань свернём,
Даже и часа наш путь не продлится.
А ведь кому-то ещё до столицы
Ехать да ехать — и ночью, и днём.
Что ожидает шофёра в пути?
Вывезут к первопрестольной колеса
Или сорвётся машина с откоса,
Ежели вдруг перестанет везти?

Стремнина

Всё шире забереги, шире.
Всё уже ленточка воды.
Давно бы речку заглушили,
Когда бы не стремнина, льды.
Хотя морозило всё крепче,
Особенно под Рождество,
Парила полынья на речке,
Не признавая ничего.
Крещение наступало грозно:
Воды — не ленточка, лишь нить.
Но так два берега морозы
И не смогли соединить.
Не прижимая к сердцу руку,
Без жестов должное воздам:
Спасибо, речка, за науку
Не поддаваться холодам.
Спасибо, что неистребимо
Теперь желанье льды разбить.
И не стремиться на стремнину,
А самому стремниной быть.

* * *

Иду в осенние поля...
До самого до горизонта —
Едва родившая земля
Принять опять готова зёрна.
Поднявшись где-то за рекой,
На юг рванулась уток стая.
Летит, выравнивая строй,
Окрестности запоминая.
Как лёгкий на крыло крохаль,
Взлететь бы ввысь, увидеть мне бы
Перемещающийся вдаль
Недостижимый берег неба.
Земле спасибо, что пронзён
Я этой страстью не напрасно.
Ещё немного сил набраться,
И — загляну за горизонт!

За сеном

Снега предзимняя перхоть
В голову стога летит,
Скоро сюда ни проехать
Будет уже, ни пройти.

Разве что трактор колёсный,
Пробуя силу свою,
На луговине белёсой
Где-то пробьёт колею.

Вилы проворные тут же
В сено вонзятся легко,
Чтобы коровка и в стужу
Тоже дала молоко.

Только теперь бы проехать
За снеговые валы.
Это труднее, чем перхоть
Вычесать из головы.

Лёд одиночества

Не проломить каблуком
Утренний лёд на асфальте.
В полдень отпустит, но схватит
К вечеру снова ледком.
Хруст скорлупы ледяной
Грустные мысли рождает:
В точности он совпадает
С шагом гражданки одной.
Пересекает она
Площадь по диагонали.
Муторно как — вы бы знали! —
Ей от того, что одна.
Смотрит один гражданин
Этой гражданочке в спину.
Не по душе гражданину
То, что он тоже один.
Броситься вслед ей бегом
Он, может быть, и не прочь. Но
Лёд одиночества прочен —
Не проломить каблуком.

Первый снег

И первый снег, луною осиянный...
Легко хрустит под грешною ногой,
И ты уже, хотя и тот же самый,
Но — непередаваемо другой.
Ты словно сам едва спустился с неба
Земному притяжению во власть,
Дозволившему вместе с первым снегом
К ногам любимой женщины припасть.

* * *

Весна до самого апреля
Со снегом тянет канитель.
То приморозит, то пригреет,
То пустит в улицы метель.
То просвистит по тротуарам.
По переулкам проснуёт.
Как любопытная Варвара,
Куда попало нос суёт.
Как ни тяни, а словно оспой,
Изроет снежный наст капель.
И напоследок льдинкой острой
Разрежет эту канитель.

Трава

Взяло солнце погоду за горло —
Потеплело среди января.
Обманулась трава и попёрла,
Снег собою сменить норовя.
Позабавилась этак природа,
Послуживила свой календарь
И вернулась по времени года
Из весенней теплыни в январь.
Снова стужа пришла, а за нею
Снегопад засучил рукава.
Но на белом ещё зеленее,
Чем на чёрном, гляделась трава.
Люди снова к морозу привыкли,
И не видел никто на бегу,
Как, всюю зеленея, травинки
С головой утопали в снегу.
Но в метельном воинственном вое
Многим слышалось, как наяву:
Все вы будете или травкою,
Или снегом, стубившим траву.

По свежему снегу

Серая тропка на белом снегу —
К дому, детишкам, жене и ночлегу.
Вы там идите, а я не могу.
Хочется — только по свежему снегу.
Хочется там, где снежинки пурга
Ночью бросала на ветер небрежно,
В белых сугробах валять дурака,
То есть себя самого же, конечно.
Хочется снежную бабу слепить
(С детства не брался за эту затею)
И непременно её полюбить,
Как некий скульптор свою Галатею.
Жаль, расставаться и с ней суждено.
Сколько ни радуйся белому снегу,
А возвращаться пора всё равно
К дому, детишкам, жене и ночлегу.

В январе

Окружил январь сугробами
Наш домишко в три окна.
Ну и что же?
Рады оба мы,
Что такая тишина.
Что с утра у нас до вечера
И до нового утра
Всё так просто и доверчиво,
Как давным-давно пора.
Будут люди брови вскидывать,
Сплетни складывать в суму.
Ну а попросту — завидовать.
И ведь, правда, есть чему.

Снежинки

Апрель...
А снежинки — не тают.
Как будто совсем не весна,
Всё так же красиво летают
По синему небу окна.
Они из-под ножниц острейших
Ложились под клей по столу
И тут же летели навстречу
Летящим снаружи к стеклу.
Затихла мелодия вальса,
И ёлка на свалке давно.
Снежинкам же — не оторваться,
Надёжно их держит окно.
Пока на рассвете однажды,
Прервав их наивные сны,
Уборщица тетя Наташа
Не выступит в роли весны.

Ледокол

Ледокола уютюг перевёрнутый
Разбивает весенние льды.

— И зачем, капитан, так упорно ты
Бьёшь дорогу до чистой воды?

Отвечал капитан: — Да пора б реке
Избавляться уже ото льда,
Чтобы плыли по Волге кораблики
И большие морские суда.

— Ни за что не догнать их, стремительных,
Капитан, твоему кораблю.

— Но зато, чтоб на скорости видеть их,
На фарватере льды я колю!

В марте

Сняли шубки, курточки надели:
Март не поскупился на тепло.
Не прошло, однако, и недели —
Вновь сверкает инеем стекло.
Правда, к тёплым зимним одежням
Возвращаться вряд ли кто готов,
Слушая всю ночь и утром ранним
Серенады мартовских котов.
Но зато готовы, даже рады
— Без ограничений по годам —
Кавалеры сбацать серенады
Под балконами любимых дам.
Жаль, у одного гитары нету,
У другого голос подкачал.
А не то бы хор их в пору эту
Посильней кошачьего звучал.
В сторону, ребята, эти шутки.
Всё серьезно в мартовские дни:
Девушки с себя снимают шубки —
С нас-то снимут головы они!

* * *

Апрельским днём ломаю вербу,
Смотрю с подтаявшей земли,
Как вышили крестом по небу
Свой путь на север журавли.
Пора б на это наглядеться,
Пора бы посерьёзней стать,
Но каждый раз готов, как в детстве,
В ручьях кораблики пускать.
И каждый раз всё больше дороги
И марева прохладный шёлк,
И уплывающей моторки
На Волге тающий штришок.
И с каждым разом всё острее
Тревожит сердце птичий лёт:
Ведь не на юг летят — на север,
Там даже верба не растёт.

Льдины

Весна всю ночь прислушивалась чутко,
Как тает и струится всё вокруг.
А поутру вчерашняя речушка
Рекою настоящей стала вдруг.
Течение на самой середине —
Такое, что не выгребет никто.
Но пацаны катаются на льдине,
Раскинув паруса своих пальто.
Под льдины угодить рискуют парни
С таким геройством...
Но, сдаётся мне,
Что в детские года любил Папанин
На льдинах покататься по весне.

Прищепки

Чего ни приключается весной!
И видится всё по-другому, вроде бы:
Прищепки на верёвке бельевой —
Что ласточки на телеграфном проводе.
Привычно растопырили хвосты,
На майском ветерке легко качаются.
Шутни — сорвутся в бездну высоты.
А что! Чего весной ни приключается!

Объезд

Перекрыли дорогу. В объезд
Направляются автомобили.
Пешеходам дорогу открыли,
Стало быть, хоть и временно, здесь.
Перекрыли проезжую часть,
Но идём всё равно тротуаром —
Уважение к правилам старым
Сохраняет привычную власть.
Часть проезжую, чуть погода,
Мы освоили в пешем порядке.
Но вернулись былые порядки:
Вновь авто на дороге гудят.
Сила временных правил теперь
Под колёса влечёт непременно.
Дай-то, Господи, чтоб перемена
Обошлась без особых потерь.
Дай-то, Боже, усвоить ясней
Всем желавшим понять эти строки,
Что они — не о праздной дороге,
Хоть, конечно, ещё и о ней.

Приметы

Суеверным, вроде, быть негоже,
Но в приметы всё же верю я:
Перейду дорогу чёрной кошке,
Чтобы не поймала воробья.
Пусть он и не ведаёт об этом,
На меня взирая с высоты.
Может, сам я по его приметам
Хуже, чем все черные коты.
Ну, не по нутру ему повадки
Ушлого двуногого зверья:
Может быть, стреляю из рогатки
Или разоряю гнёзда я.
Успокойся, бдительная птаха.
Обижать не стану я тебя.—
Впору самому дрожать от страха
На примете у небытия.
А пока живём, поверим в это:
Не любой двуногий — лиходея,
Есть ещё и добрые приметы,
Общие для птиц и для людей.

Песенка шута

Время тасует — право его! —
Лет и событий колоду.
Походя трона лишит одного,
Выдаст второму корону.
Первого лучше этот второй
И по суждениям, и с виду.
Грамотно править начал страной,
Правда, с оглядкой на свиту.
В свите блестящей кого только нет —
Герцоги, графы, бароны...
Верно служили они много лет
Первому, а не второму.
Этот второй — им совсем не король,
Но из приличий придворных
Дружно играют привычную роль
На комплиментах притворных.
Заговор зреет в покоях опять,
Будут убитые снова.
Но мне не нравится — что тут скрывать!
Тот, кто свергает второго.
Ладно, немного ещё подожду,
Умных успею убить я.
Лучше б отдали корону шуту
Сразу, без кровопролитья.
Время тасует — право его! —
Судеб колоду толково.
Только не знает оно одного,
Шут его знает, — какого.

Кони

Словно конь тугой шлей,
Тепловоз обвит вдоль крупа
Крепкой жёлтой полосой.
И подрагивает крупно.
Гикнет радостно ямщик,
На затылок сбив фурагу,
И могучий конь помчит
По двухрельсовому тракту.
Под колёсный перестук
Разомнёт свои суставы,
И завистливо пастух
Будет вслед глядеть составу.
Встанет он на стремяна,
Лошадёнку шлёпнет грозно.
Тяжело всхрапнёт она,
Словно дизель тепловоза.

Калейдоскоп

Калейдоскоп детдомовских времён —
Куски стекла, обмотанные тряпкой.
Узорчатых мозаик цвет неяркий.
Да и с чего мог ярким-то быть он?
И пуговичных кромок нищета.
И тусклая бутылочная зелень,
На гранях отражаясь еле-еле,
Нерадужные множили цвета.
Но чуть не в драку — хоть разок один
Взглянуть в дыру игрушки той заветной.
Она дразнила жизнью разноцветной
В бесцветные детдомовские дни.
Где вы теперь, товарищи-друзья
Из бедного детдомовского детства?
Вас разглядеть — не стоит и надеяться
В цветном калейдоскопе бытия.

* * *

Люди хотели добра и любви —
Жизни хорошей во имя.
Так повелось меж одними людьми,
Не повелось меж другими.
Эти другие — не то чтобы «тьфу»
Но без насилия, сами
Впишут любого в любую графу,
Лишь бы самих не вписали.
Этим другим и любви, и добра
Тоже хотелось, наверно.
Да не хватало их душам тепла —
Всё исковеркала скверна.
Дали им всё же добра и любви:
Пусть, как и все, проживут, мол.
Но становиться иными людьми
Кто-то из них и не думал.
Кончатся золото и серебро.
Стихнут хула и бравада.
В сроки свои и любовь, и добро
Сами найдут, кого надо.

Загадка бытия

Приматы мы.
Однако —
Приметны всё равно
Сохатость Пастернака,
Грачиность Сирано.
А иногда помстится —
Пронзительней всего —
Во звере или птице
Людское естество.
Но приглядишься лучше,
И осенит тебя,
Что это — просто случай,
Загадка бытия.
Кидая годы в вечность,
Не дай, Господь, и впредь
Зверью — очеловечеть,
А людям — озвереть!

Брат

Что-то, брат, не угадалось
В отношениях с тобой:
И свидания не в радость,
Да и в письмах — перебой.
По ухабам и сугробам,
Да без матери-отца,
Нам с тобой, единокровным,
Пробиваться б до конца.
По одной прямой дорожке
И торили мы маршрут.
Но какой-то чёрной кошке
Вдруг пришлись не по нутру.
Прошмыгнула между нами,
Хвост — изогнутой трубой.
И не стало пониманья
Между мною и тобой.
Помаленьку, понемножку,
А родство своё берёт.
Уж не та ли это кошка
На душе моей скребёт?
И мурлычет:
Разобраться
Вам во всём пора уже,
Всё равно не разбрататься
Вам по крови и душе.

Встреча

Запотевший балакирь
С самодельным вином.
В самый раз побалакать
И о том, и о сём.
Мы не виделись тыщу,
Даже более, лет.
И никак не отыщем
Общей памяти след.
Что-то я о пустячном,
Что-то ты не о том.
Безразличием тяжким
Наполняется дом.
Попрощались уныло,
Согласились в одном:
Изумительным было
Молодое вино.
То, какого не пили
Мы с тобой никогда.
То, чьи соки бродили
В нас в былые года.

Адреса

Что знакомства на вокзале?
Тем и этим — дальний путь.
Обменялись адресами:
Мол, напишем как-нибудь.
Но ни как-нибудь, ни к датам
Не писали никогда.
Далеко, видать, куда-то
Разбежались поезда.
Ладно, если не под старость,
А пораньше — в некий год —
Вдруг откроет чей-то адрес
Старый, выцветший блокнот.
Полетит конвертик птицей
На десятки лет назад,
Но с грустинкой возвратится:
Дескать, выбыл адресат.
Хороши любые вести,
Где б ни лёг по свету путь.
Я живу на том же месте —
Напишите кто-нибудь!

За удачей

То прямо, то наискосок,
Накатывая постепенно,
Свет фар линует потолок
И преломляется на стены.
Куда, неведомый чужак,
В глухую ночь ты едешь смело?
Иль в личной жизни что не так?
Иль дело срочное пришло?
Я ничего в твоей судьбе,
Тебе неведомый, не значу.
Но буду думать о тебе,
Чтоб ты поймал свою удачу.

Бессонница

Уж полночь гораздо.
Давно пора бы спать.
И надо ж разыгаться
Бессоннице опять!
Лучами занавески
Раздвинула звезда.
Космические вести
Несёт она сюда.
Но с языком вселенским,
Увы, я не знаком.
И в ночь такую не с кем
Земным-то языком
Поговорить о том, что
Изменчивы друзья.
Что жить порою тошно,
И всё ж не жить — нельзя.
Что не хватает денег,
Хотя не в деньгах суть,
Что так стучит будильник —
Аж не даёт уснуть.

Самолёт

Ты на крепкой белой нитке
В кулачке надёжно держишь,
Как весёлый змей бумажный,
Реактивный самолёт.
Ну, как ты его раскрутишь?
В вихре силы центробежной
То-то будет кувыркаться
Там, за облаком, пилот!
Но ведь ты — серьёзный мальчик.
Ты прекрасно понимаешь:
После этого вращения
Самолёт войдёт в пике.
И поэтому тихонько
Кулачок ты разжимаешь:
Как весной из клетки птицу —
Отпускаешь самолёт...

Под зонтом

Из крыльев летучей мыши,
Что ли, мой чёрный зонт?
Вот он всё выше, выше
Меня над землёй несёт.
Мокрой упругой болоньей
Хлопает на ветру.
Только такой полёт мне
Что-то не по нутру.
Как я смешон, наверно:
Тёмному небу не в масть,
Дёргаю ножками нервно,
Очень боюсь упасть.
Может, без зонтика лучше
В небо подняться мне?
Сразу-то — не получится.
Но подучусь во сне.

Рубашка

Что-то всё чаще и чаще
В чёрной рубашке нужда.
Ах, как азартно-то в ящик
Играете вы, господа!
Не в преферанс или в покер,
Не отыграешься тут.
Тем, кто воистину помер,
Жизни — не пересдадут.
Не от штыка в рукопашной,
Просто — среди бытия —
Падает кверху рубашкой
Битая карта твоя.
В этом холодном замахе
Видятся нам неспроста
Чёрные платья, рубахи
Строгие грани креста.
Есть волноваться о чём нам,
Лучше сыграть в дурака.
Что в нём хорошего — в чёрном?
В белом ходим пока.

Спартак

Спартак болеет за «Спартак».
А за кого же
Ещё болеть не просто так —
До нервной дрожи?!
На гладиаторском веку
Он всё изведаль.
Непросто было Спартаку
Идти к победам.
Теперь глядит потрясший Рим
Футбол в России.
Сидят фанаты рядом с ним,
Но он — не с ними.
Когда летит в ворота мяч
С мечтой о голе —
Спартак хватается за меч
И рвётся в поле.
Хоть нас и явно, и тайком
Пугают мезтью —
Мы за «Спартак» со Спартаком
Болеем вместе.
И что с того, что против нас
Так зло и бурно
Болеет Марк Лициний Красс
С другой трибуны?!

В поезде

На казанском поезде
Едем из Самары.
Маловато скорости
И комфорту мало.
Но колёса крутятся,
Но в вагоне заднем
Нету места грусти —
Все места здесь заняты.
Дочка едет к маме,
Мама едет к дочке,
Едет дед с медалями
К внуку-вертолётчику.
Разговоры разные,
Тары-бары бурные:
О прошедшем празднике,
О футбольной сборной.
Но, привычен к шторму,
С храпом образцовым,
Спит матрос. А что ему? —
Демобилизован.
Перегоны быстрые,
Остановки длинные.
Под колёса выстелил
Рельсы мост над Волгою.
Встретились однажды,
Выйдем через полчаса.
А прощаться — надо же!
Нам уже не хочется.

Стая

Пусть грозятся, свирепствуют пусть.
Я о них и не думал иначе!
Я уже ничего не боюсь,
Кроме смерти и детского плача.
Мне понятен их злобный оскал.
Всё — в зависимости неслучайной.
Даже то, что паршивый шакал
Хочет выглядеть грозным волчарой.
Эта стая проворна весьма.
Ты её не окружишь флажками,
Их она расставляет сама
На тебя — втихаря, по-шакальи.
И лютует, почуявши кровь,
И беснуется, если добычу
Не догнали ни пули, ни дробь,
Ни поганое слово, тем паче.
Боже праведный им судия.
Он воздаст по делам, но, скорее,
Загрызут они сами себя,
С каждой жертвой всё больше зверя.

Решето

Поносили воду решетом —
Почему-то вёдра не спросили.
Пот бежал ручьями. Ну и что?
Даже и ведра не наносили.

Насыпали камни в решето,
Напрягали крепкие ладони.
Притомились и признали, что
Было бы с носилками удобней.

То вода... То камни... Решето
Поломалось — ни подбить, ни склеить.
Привезли песочек. Ну и что?
Чем бы нам теперь его просеять?

Картошка

Конечно, это понарошку:
На старый кухонный манер
Готовить в чугушке картошку,
А не в кастрюльке, например.

Трещат по швам её мундиры
У кожуры почти что всей,
И светит влажно через дыры
Картошка мякотью своей.

Срывай, срывай с неё одежду!
Макай в поваренную соль!
И ешь её — одну картошку,
Не опошля колбасой.

Ну, разве что с лучком зелёным
Под пару-троечку рюмах,
Да и с огурчиком солёным
Картошка тоже — самый смак.

Готовить в чугушке картошку,
Когда кастрюль в дому не счесть?
Конечно, это понарошку.
И всё же что-то в этом есть!

Прозектор

Валентину Королёву

Во дворе больничном, солнышком объятom,
Где от хворых отступает хандра,
Повстречался мне патологоанатом.
— Ну, здорово, — говорит, — как дела?
Просто так меня спросил он, конечно,
Не имея на примете беду.
Но помстилось мне тревожное нечто:
Мол, когда к нему под нож попаду?
Наваждение! Мура! Бред какой-то!
Он мужик — каких попробуй найди.
Он такие выдаёт анекдоты,
Что покойнички хохочут, поди.
Видно, это у него для страховки,
Невеселый уголок — этот морг.
И ни смейся, ни лепи свои хохмы,
Ни за что б он там работать не смог.
— Да, нормально, — отвечаю и лапу,
Мне протянутую, вежливо жму. —
С той болезнью, что нашли эскулапы.
— Ну, живи, — шутнул прозектор устало.
— Побегу, а то запишут прогул.
— Во работы у меня сколько стало!
И ладонью свой кадык полоснул.
А я думал, гляди, как неохотно
Брёл, понурясь, он в халате х/б:
Дай-то Бог, поменьше этой работы.
Да и мало что-то платят тебе.

Белый свет

Всё не так, как хотелось когда-то
Предо мной был открыт белый свет.
Промелькнули события, даты.
Есть что вспомнить — желания нет.

Но сама беспокойная память
Отбирает картинки подряд:
То о флотских годах, то о БАМе,
Где был наш боевой студотряд.

Тут же, кстати, семья и работа,
А некстати — враги, пьяный бред!
Позабыть бы из этого что-то,
Да ведь снова желания нет.

Так и маюсь меж прошлым и явью,
С тем и этим согласия нет.
Всё не так, но на то уповаю,
Что ещё не закрыт белый свет.

Звезда

Подарили звезду чудаку.
Он её поносил на боку.
На груди он её поносил,
А потом в небеса отпустил.
Все смеялись над ним:
— Как же так? Отпустил?
Ах, какой ты чудака!
Прежде чем в небеса отпустить,
Дал и нам бы её поносить.
Вместе с ними смеялся и он,
Озирая ночной небосклон.
Засияла звезда ярче всех —
И умолк издевательский смех.
...Уж давно чудака с нами нет,
И насмешников принял тот свет.
Но осталась гореть навсегда
Во Вселенной земная звезда.

* * *

Чего-то до полного счастья
Всегда не хватает чуть-чуть.
И рвёмся мы глупо на части,
Пытаясь судьбу обмануть.
Бог знает, на что мы горазды
В стремленьи напрасном своём.
Но счастливы мы и прекрасны,
Хоть этого не признаём.

* * *

В ночь ушли мои поезда,
Подмигнув огоньками злорадно.
И теперь уже никогда
Не вернутся они обратно.
Всё казалось: в последний миг
Я успею в вагоны любые,
Но другие катятся в них
Через матушку всю — Россию.
Крепко заперты тамбура,
Занавешены окна плотно.
В ночь ушли поезда вчера,
Но ведь есть ещё самолёты.

Жизнь

Не знал, что чем-то выделяюсь,
И про стихи не знал.
Какой мне жизнь увиделась,
Такой и описал.

Кому-то не понравилось?
Так это — дело их.
Не отличала «правильность»
Мой беспокойный стих.

Промашки не караются,
А то б совсем пропал.
Не всё и мне-то нравится,
Хотя и сам кропал.

Не может жизнь обидеться
За мелкие грехи.
Какой и впредь увидится —
Такой войдёт в стихи.

Маятник

Встали часы среди ночи,
А начинает светать.
Стало быть, хочешь не хочешь —
Надо скорее вставать.

Сколько сейчас — по наручным,
Зенки продрав, посмотри.
Там-то завод не накручен.
Там батарейка внутри.

Может, она и надёжней.
Только сегодня и впредь
Хочется маятник всё же
В мерном качании зреть.

Он ведь качался все годы
В добрый, недобрый ли час.
Если и вышел из моды,
То не в квартире у нас!

Снова накручивать буду
Маленький ключ заводной,
Чтобы вернул амплитуду
Магнетный маятник мой.

Маятник должен качаться,
После падения — взлёт.
А на беду или счастье —
Это уж как повезёт.

Содержание

Константин Рассадин. От Балтики и до Японии

раскинувшаяся страна.....	3
Душа.....	20
«Кто вы, зачем и откуда...»	21
Страна	22
У-ух!.....	23
Кровь	24
Ещё вчера... ..	25
Дядя Ваня	26
Фантомные боли	27
«Ты поэт хороший, мой товарищ...»	28
«Вроде бы случайно, с кондачка...»	29
На могилу «афганцу».....	30
Старик	31
Дедовщина	32
Ветераны.....	33
Проводы.....	34
День рождения.....	35
Под дождём	36
«При слове «женщина» война...»	37
Майор	38
Фото	39
Разговор	40
Красное и белое	41
Пророки	42
На колени	43
Хлеб.....	44
Игра.....	45
Мужик	46
Драка	47
Периферия	48
Брань	49
Бес.....	50
Без царя	51
Монумент.....	52
Сон и явь	53
Урок.....	54
Рикошет	55
«Я давно уже не комплексую...»	56
Дураки.....	57

Россия.....	58
Хочу в Москву	59
Бегите, ребята!	60
Курилы.....	61
Голоса.....	62
Кликуши	63
Коммуналка.....	64
Валенки.....	65
Крепкие люди	66
Сторож	67
На Сент-Женевьев-де-Буа	68
Речка Кия.....	69
Китеж	70
Земля.....	71
В Тепловке.....	72
Баба Таня	73
За грибами.....	74
Соловей	75
Деревня.....	76
Звон	77
Нехристи.....	78
Крестик	79
У иконы.....	80
Одиночество	81
В дорогу.....	82
Провинция	83
Хата с краю	84
Сызрань	85
«Если ты идёшь по городу...»	86
Судьба.....	87
«Скорая».....	88
«Капитан милиции в фуфайке...»	89
Собаки	90
Бомжи	91
Мозоли	92
Мать.....	93
Родня.....	94
ЕВРОПА — АЗИЯ.....	95
Лузга.....	96
По-другому	97
Крыша.....	98
Проводница.....	99
По этой улице.....	100
Отчим	101

Тарелки	102
Тебе	103
Жених	104
Парочка	105
Черты	106
Мамки	107
Гадалка	108
Парикмахерша	109
Кармен	110
Училка	111
Ню	112
Одноклассница	113
Диалог	114
Под луной	115
«Почти»	116
«Ни женой, ни любовницей...»	117
Принцы	118
Женщины	119
Степная песня	120
Плач	121
Ложь	122
«Либо нету, либо есть...»	123
Вальс	124
Айсберг и «Титаник»	125
«Шерше ля фам...»	126
Общага	127
Кайф	128
Однажды	129
На станции	130
Кошка	131
Малыш	132
Внуки	133
Продолжение	134
Библиотекарь	135
На день рождения А. С. Пушкина	136
Михайловское	137
В Санкт-Петербург	138
1993 г.	140
Ценители	141
К природе творчества	142
«Я в жизнь пришёл, чтоб удивляться...»	143
Писатели	144
Брод	145
Эдуарду Анашкину	146

Стихи	147
Притяжение	148
Друзья	149
«С такими людьми нелегко...»	150
Отчества	151
Колокола	152
Певица	153
Пейзаж	154
Путь	155
Ностальгия	156
Ангара	157
До зари	158
Ураган	159
Закат	160
«Никогда я не был на Босфоре...»	161
Деревья	162
Малые реки	163
«Вот она — Волга в тумане...»	164
На Ветлуге	165
Дворник	166
Гроза	167
«Влипли следы подошв...»	168
«Ласточки низко летают...»	169
Просека	170
Ромашки	171
Светлячки	172
Костёр	173
Под парусом	174
Пчела	175
Излучина	176
Кукушка	177
«Чего-то до полного счастья...»	178
Тучи	179
Тыквы	180
Благодать	181
Просто	182
Муранский бор	183
Родник	184
Заветное	185
Радуга	186
За сободем	187
По следу	188
«Брошусь ничком в молодую траву...»	189
«Так бело, ну — так бело...»	190

«Эх, да шляпу — оземь!..»	191
По ночной трассе	192
Стремнина	193
«Иду в осенние поля...»	194
За сеном	195
Лёд одиночества	196
Первый снег	197
«Весна до самого апреля...»	198
Трава	199
По свежему снегу	200
В январе	201
Снежинки	202
Ледокол.....	203
В марте	204
«Апрельским днём ломаю вербу...»	205
Льдины	206
Прицепки.....	207
Объезд.....	208
Приметы	209
Песенка шута.....	210
Кони	211
Калейдоскоп.....	212
«Люди хотели добра и любви...»	213
Загадка бытия	214
Брат	215
Встреча.....	216
Адреса.....	217
За удачей.....	218
Бессонница	219
Самолёт.....	220
Под зонтом	221
Рубашка	222
Спартак	223
В поезде.....	224
Стая.....	225
Решето.....	226
Картошка	227
Прозектор	228
Белый свет	229
Звезда	230
«Чего-то до полного счастья...»	231
«В ночь ушли мои поезда...»	232
Жизнь.....	233
Маятник.....	234

Олег Алексеевич Портнягин
МНЕ ЖИЗНЬ ТАКОЙ ПРИВИДЕЛАСЬ

Стихи

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Павла Васильевича Мазеева,
Руслана Сергеевича Асташкина

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Издание подготовлено издательством
«Русское эхо»
Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.12.2007. Формат издания 84x108/₃₂.
Объём 12,60 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 404, телефон (846) 267-36-82